

The background of the book cover is a collage of violent imagery. It features several bright red blood splatters of various sizes and shapes against a light, textured background. Two spent bullet casing are visible: one in the top left corner and another in the middle right. A dark, cylindrical object, possibly a pen or a part of a weapon, is positioned diagonally across the lower half of the cover. The overall aesthetic is gritty and suggests a theme of crime or war.

Евгений Бузни

Зивелеос

книга первая

16+

Евгений Бузни

Зивелеос. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бузни Е. Н.

Зивелеос. Книга первая / Е. Н. Бузни — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман «Зивелеос» - это реальность и фантастика. Герой романа соединяет в себе идеи Робин Гуда и Павла Корчагина, которые сочетаются с необыкновенными возможностями сверх человека, данные ему научной мыслью. Снабжённый специальным костюмом, делающим его практически неуязвимым от любых нападений, молодой журналист начинает открытую борьбу с современными олигархами, грабя их и отдавая все средства беспризорным детям, для которых устраивает специальную детскую республику. Роман состоит целиком из неожиданных поворотов событий, где почти каждая глава оказывается для читателя новеллой.

Содержание

Странный посетитель казино	5
Ни на один вопрос нет ответа	9
Газетный бум	11
«Невралья» не врала.	14
Текущие мысли	18
Силы безопасности в тревоге	20
И пьяница бывает полезным	22
След взят	25
Концы в воду	31
Девушка в джинсах и с красной сумочкой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Странный посетитель казино

– Моё имя Зивелеос.

Это прозвучало так громко, словно голос разносился со всех сторон и, оттолкнувшись от стен, сошёлся в одном месте звуком мощного рупора. Музыканты, потевшие от напряжения на маленькой сцене, тут же прекратили отбивать ритмы, под которые исступлённо отплясывали полуобнажённые женские фигуры. Они застыли теперь в изумлении, глядя на молодого человека, поразившего всех небывалым голосом.

Убедившись в том, что всё в помещении казино внезапно смолкло и обратило на него внимание, странный молодой человек ещё раз прогремел необычно звучным голосом, но только медленнее, с расстановкой произнося каждое слово:

– Моё имя Зи-ве-ле-ос. Прошу запомнить.

– Вы грек? – оторопело спросил крупье, глядя изумлёнными глазами на незнакомца.

–

Нет!!!

–

Прибалт?

–

Нет!!!

Отвечая всё тем же громовым неизвестно откуда возникавшим голосом, незнакомец стал натягивать на руки перчатки такие же чёрные кожаные, как и его костюм, состоявший из кожаных брюк в обтяжку и кожаного весьма короткого пиджака нараспашку, под которым виднелся застёгнутый на все пуговицы такой же чёрный жилет, оттенявшийся лишь изумительно белой сорочкой, едва выглядывавшей из-под жилета и чёрного галстука с обычным небольшим узлом, но странно широким на шее, которая фактически полностью им скрывалась. Эта часть галстука скорее напоминала поднятый широкий ворот, казалось, подпиравший собой подбородок.

Лицо странного человека трудно было разглядеть не только по причине полумрака в игровом зале казино, но и потому, что оно почти полностью скрывалось за небольшими чёрными усами и совершенно огромными очками, которые никого бы не удивили на пляже при выходе из воды охотника с подводным ружьём, но здесь... в казино?

В дополнение ко всему на голове назвавшегося Зивелеосом находился необычный головной убор, напоминавший собой походный котелок, плотно пригнанный к голове, обрамлённый короткими, но толстоватыми полями. Уши были прикрыты внушительными наушниками, также соединёнными с головным убором, что в совокупности создавало впечатление шлема.

Весь этот антураж человека не позволял угадать возраст, но голос, хоть и усиленный явно каким-то образом, звучал всё-таки молодо, и в нём можно было бы заметить даже волнение, присущее обычно актёрам, впервые выходящим на большую сцену перед зрителями.

Между тем крупье, быстрее всех начавший приходить в себя от неожиданности появления странного незнакомца, быстро спросил:

– Кто вы такой?! У нас играют только члены клуба. Это всем известно. Кто вас пустил?

– Не тараторьте попусту, – загремел голос. – Я пришёл не играть. А кто я не имеет значения. Смотрите.

С последним словом Зивелеос подошёл почти вплотную к столу, направившись как раз между двумя сидевшими к нему спиной игрокам, и те при его резком приближении разлетелись в стороны, как мячики вместе со своими стульями, хотя их явно никто не трогал. Между тем игроки по комплекции не принадлежали к тощим или сухощавым, в отличие от крупье,

и не носили на себе официальной униформы. Это были солидные денежные мешки, которым позволительно было тратить на удовольствия не одну сотню или тысячу долларов за вечер. Их солидность откладывалась не только на счетах различных банков, но и в телах, добревших от вкусной обильной пищи, обычно сдабриваемой добрыми порциями спиртных напитков разных сортов неизменно самого высшего качества.

Теперь они внезапно оказались на полу, и эта самая внезапность действия, которой никто, конечно, не ожидал, их ошеломила, как, впрочем, и всех остальных присутствующих. Дальше произошло ещё более удивительное. Одетый в чёрное человек вытянул перед собой руку, повёл ею над столом, и в оказавшийся довольно широким и длинным рукав пиджака с поразительно большой скоростью полетели лежавшие на столе долларовые купюры, сложенные до сих пор стопками различными по толщине в зависимости от азарта, осторожности и возможностей каждого игрока за столом. Рука птицей пронеслась по кругу, и веерный полёт зелёных купюр с дальнего и ближнего краёв стола тут же прекратился. Поверхность его была чиста, если не считать застывшей рулетки и разноцветных фишек.

– Вот это фокус! – раздался чей-то восторженный голос.

Зивелеос резко развернулся и пошёл ко второму игорному столу. Он стоял вовсе недалеко. Участники стола прекрасно видели, что произошло у соседей. Кто-то, было, попытался схватить свои деньги со стола, но Зивелеос вдруг рявкнул:

– Сидеть!

Вскочившие тут же упали на свои места. Это психология. Можно даже сказать, своего рода гипноз, хорошо известный всем знатокам восточных единоборств. Громкий резкий окрик шокирует так же, как само неожиданное явление. И опять двое только что севших на свои места игрока разлетелись в стороны, и в считанные секунды стол очистился от долларов, улетевших таким же веером в левый рукав Зивелеоса.

Но за первым столом уже шок прошёл. Упавшие звали своих телохранителей, развлекавшихся за соседней стойкой бара. Крупье кликнул охранникам. Те слегка замешкались: таких ситуаций ещё не было. Случалось утихомирить слегка набравшихся боссов, но то ж другое дело. Взял начальничка под руки, пошептал что-то на ушко, провёл куда надо освежиться – оно и дело с концом. А тут...

Зивелеос развернулся вовремя. К нему уже шли трое.

– Не советую приближаться, – предупредительно прогремел он.

Трое были специалистами высокого класса. Широки в плечах, устойчивы на ногах, крепки в лобных костях и жилисты в мышцах. Разговаривать не входило в их обязанности.

Тот, что шёл по центру, чуть выдвинулся вперёд и безо всякого предупредительного движения с резким криком «Й-я-а!» выбросил вверх правую ногу, целясь каблуком лакированного ботинка в подбородок нарушителя порядка. Движение было чётким, натренированным, но тут произошла осечка – телохранитель сам упал неудачно на плечо, словно промахнулся со своим ударом. Так и не поняв, в чём причина промаха, он вскочил, потирая машинально плечо, и наблюдая, как второй телохранитель пружинисто подпрыгнул и выбросил обе ноги перед собой, направив их мощным ударом в грудь незнакомца.

Будто ударившись неожиданно в стену, тело нападавшего кубарем откатилось назад. Не будь он профессионалом боевого самбо, такой прыжок мог окончиться падением на голову и хрустом шейных позвонков. Но, провернувшись по полу колесом, он вскочил и с удивлением посмотрел на противника. Тот по-прежнему стоял, казалось, совершенно спокойно без каких либо движений.

Третий телохранитель не терял времени. Однако он не собирался прыгать. Этот стиль был не для его массивного тела. Вовремя отклонившись, пропустив отлетевшего назад товарища, он приближался к Зивелеосу, напоминая собой древнего питекантропа. На крупном массивном теле низко сидящая голова. Из-под узкого лба зло и решительно смотрели спрятанные

в глубь глаза. Такие трудно было повредить ударом. Широкие ноздри слегка подёргивались, раздуваясь от напряжения в ожидании боя. Ладони сжаты в огромные кулаки. Иная гиря казалась бы менее опасной в сравнении с ними. И не смотря на всю тяжеловесность фигуры, ноги перемещали её легко, что свойственно только хорошо натренированным боксёрам тяжёлого веса. А он и был боксёр-мастер – этот телохранитель. И теперь он шёл только на прямой удар, от которого уйти просто было невозможно непрофессионалу.

И вот она, рука с кулаком-гирей, выпрямилась мгновенно, неся с собой вперёд сокрушительный удар... Но он скользнул в воздухе, не дойдя и половины пути до цели, то есть до лица человека, смотревшего на боксёра в упор сквозь огромные очки подводника.

Скользнув кулаком мимо, боксёр по инерции развернулся и, не удержавшись от неожиданного пируэта, тяжело рухнул спиной на пол.

За боем наблюдали все. Сидевшие за соседними столами успели вскочить и отодвинуться на приличное расстояние. Находившиеся за более дальними игорными и питейными столами, напротив, подошли поближе, образовав собой нечто вроде полукруга. Женщины взвизгивали при каждом падении телохранителей. Они, конечно, быстро встали, но не решались на новые попытки, сообразив, что их мастерству тут нечего делать.

Зивелеос повернулся к собравшимся за его спиной, не обращая ни малейшего внимания на телохранителей.

– Вы всё поняли?

К громовому голосу начинали привыкать.

– Попрошу всех быстро достать из кошельков и сумочек деньги и положить перед собой на пол. Кошельки оставляйте себе. В них ваши карточки и ключи. Мне они не нужны. Тех, кто не согласен, ожидают большие неприятности. Смотрите на этот предмет.

В правой руке Зивелеоса оказалась небольшая чёрная трубка, которую он достал из-за пояса. Трубка выходила из аппарата, напоминавшего пульт дистанционного управления. Рассмотреть лучше не представлялось возможным, поскольку устройство почти полностью скрывала рука в перчатке. Но догадаться о его назначении было не трудно.

Рука повела трубкой. Все следили за её направлением. Маленькое отверстие необычного дула устало на голубоватое настенное бра, изливавшееся мягким лунным светом. Раздался хлопок, но не выстрела, а разлетевшегося вдребезги светильника, который тут же погас.

Трубка обратилась снова на людей, и те стали поспешно доставать деньги. Вскоре почти перед каждым на полу лежали купюры, преимущественно долларовые. Только теперь, когда странный грабитель оказался у денег на полу, жертвы происходящего обратили внимание на обувь человека, ступавшего вдоль исчезающих в рукаве рублей и долларов. Чёрные ботинки, плотно охватывавшие ноги повыше щиколоток, сливались с брюками сверху, а внизу были словно приклеены к толстым танкеткам, немного схожим с теми, что используются коротконогими девушками. Однако танкетки нынешнего обладателя хоть и поднимали его сантиметров на десять, но при этом создавали устойчивость, заметно расширяясь к низу.

Один из телохранителей не выдержал и попытался снова, подскочив сзади к собирателю денег, опрокинуть его приёмом подсечки правой ногой и захватом рукой, но вместо этого будто споткнулся обо что-то и упал, не будучи замеченным Зивелеосом.

Тем временем в дверь казино наконец-то ворвалась милиция. Сбор денег с полу завершился. Последние бумажки исчезли в рукаве, и это успели заметить блюстители порядка. Обстановка прояснилась для них не сразу, но действовать нужно было мгновенно, так как информация поступила об ограблении.

– Всем ни с места! Милиция! – Закричал майор от самой двери и сделал прыжок в сторону от предполагаемого выстрела.

За ним с автоматами в руках вбежали остальные члены группы захвата. Впрочем, в зале никто и не двигался. Майор, присмотревшись и быстро привыкнув к полумраку, заметил исчез-

новение последних купюр, не понял, конечно, как это происходило, но догадался, кто является причиной вызова. Направив свой короткий автомат на повернувшегося к нему Зивелеоса, коротко скомандовал:

– Лицом на пол! Живо!

Двое других с автоматами в руках, уловив едва заметный сигнал майора, бросились на Зивелеоса, чтобы ударами в спину положить человека. Но от этих попыток автоматы выскользнули из рук, словно наткнулись на препятствие при ударе.

– Не кипятитесь, товарищ майор, – загремел Зивелеос. – Моё имя Зивелеос. Здесь меня уже все знают теперь. Деньги, которые я взял сегодня, награблены у народа и будут ему возвращены. Так что вы не волнуйтесь. Мне пора идти. Стрелять в меня не советую. А то невзначай убьёте кого-то из присутствующих.

Я крови не хочу, хотя многие, наверное, из здесь находящихся недостойны того, чтобы жить. Однако никто ими не занимается. Вот пришлось мне. Извините.

С этими словами Зивелеос направился к выходу мимо майора.

– Стоять! – заорал офицер, отскочив назад и продолжая угрожать дулом автомата Зивелеосу.

Но тот продолжал идти прямо на него.

– Та-та-та-та-та, – грохнула очередь, пущенная в ноги Зивелеоса.

– Тиу-тиу-тиу-тиу-тиу, – просвистели пули, разлетаясь в разные стороны и исчезая в полу.

– Ну вот, видите? – прогрохотал Зивелеос и рассмеялся.

Хохот раскатился по залу, заставив вздрогнуть каждого.

– Прошу вас, майор, не стреляйте. Честное слово, убьёте кого-то. Вам же и отвечать. До свидания!!!

Зивелеос скрылся за дверью, поднялся по лестнице и, выйдя на улицу, облегчённо вздохнув, вдруг слегка приподнялся буквально на пол сантиметра над землёй и легко заскользил крупными, будто летящими шагами. Поворот за угол... и в ожидавшее такси... В Москве их великое множество. Поди узнай, какое с фальшивым номером.

Ни на один вопрос нет ответа

Шум в казино становился то громче, то тише, но не прекращался ни на минуту. Все были очевидцами, но никто ничего не понял. Все обсуждали детали, но каждый видел их по-своему. Сначала говорили только очевидцы, но постепенно в казино прибывали официальные лица – начальник управления внутренних дел, начальник отдела борьбы с терроризмом, более мелкие начальники и эксперты УВД и ФСБ и неофициальные – журналисты газет «Московская вралька», «Московская невралька», «Вралька сегодня», «Независимое враньё», «Враньё за рубежом» и даже «Эротическая Вралька» (У последней газеты слово Вралька писалось с большой буквы, подразумевая, очевидно, что так зовут женщину или, извините, девушку. Впрочем, может ли девушка быть связана с эротикой?)

Очевидцы разбились по группам, распределившись для взволнованных разговоров с не очевидцами, но, как говорится, первыми поглотителями информации по свежим следам. Майор докладывал генералу о смелых попытках взятия грабителя и показывал места исчезновения пуль в полу. Телохранители отчитывались перед своими хозяевами, а затем и правоохранительными органами о причинах неудачи с захватом, поясняя применённые приёмы и высказывая несмелые предположения о возможных способах их отражений.

Бармен в отутюженном голубом костюме, исключительно белой сорочке и с чёрной бабочкой под самым кадыком спокойно и методично описывал картину происшедшего, которую он неотрывно наблюдал из-за стойки, корреспонденту журнала «Итоги вранья».

Игроки, сидевшие во время происшествия за столами, а теперь восседавшие в креслах для отдыха, поскольку все они были весьма влиятельными в Москве людьми, принимали вопросы от органов и прессы, сидя, и требовали немедленного принятия решений, правда, не знали сами каких.

Полуобнажённые танцовщицы окружили молодого, с веснушками на круглом лице корреспондента газеты «Эротическая Вралька» и, постоянно наседавая на него надутыми для красоты специальным составом грудями, восторженно описывали восхитительную внешность и сексуальную привлекательность современного Робин Гуда.

Остальные корреспонденты разговаривали с остальными посетителями и работниками казино.

После доклада майора, генерал выслушал управляющего казино, которого не было в момент происшествия, но который должен был за всё нести ответственность, принял сообщения вахтёров, не позволявших входить никому из тех, кто не был привилегирован называться членом данного клуба просаживателей денег, но которые всё же допустили неизвестного по своей халатности, хорошо оплаченной, как видно, пришельцем.

Краем уха генерал слушал и возмущения в его адрес со стороны высокого рыжего предпринимателя, развалившегося слева на диване, и плач справа известной эстрадной певицы, у которой кто-то украл кольцо с бриллиантом, то самое, что она удачно сняла с пальца, чтобы его не заметил пришедший бандит, и спрятала в сумочку, оставленную недалеко от стойки бара. Было ясно, что кольцо украли уже после ухода бандита, а, значит, возникала версия, не связано ли одно с другим. Генерал тут же поручил кому-то разобраться, но не запомнил кому, так как весь этот бедлам в казино его быстро утомил, и он начал действовать по привычке быстро и решительно.

Тяжело поднявшись на маленькую сцену, подошёл к микрофону и привычно постучал по нему пальцем, проверяя, работает ли, затем кашлянул для надёжности и скомандовал:

– Всем тихо! Молчать прошу минутой!

По интонации последней фразы не было понятно, приказал ли он молчать, а потом попросил минуту для себя, или просил всех минуту помолчать. Но голоса смолкли. Присутствовавшие выжидающе смотрели на большие погоны и решительный вид генерала.

– Никому не выходить, пока не скажу – это понятно.

Кто-то тут же подумал, смеясь мысленно: «Он что, собирается сначала говорить о выходе непонятно? Вот ведь дурак». А внутренний голос другого человека ответил ему мысленно с сарказмом: «Сам дурак. Он же имел в виду, что тебе должно быть самому понятно: пока он не скажет – никто не выходит». Первый мыслитель стал озираться по сторонам, пытаясь сообразить, откуда пришёл ответ, а генерал между тем продолжал, сжимая в кулаке микрофон:

– Майор, запишите всех свидетелей происшедшего. Составьте список прибывших сюда корреспондентов. Я не понимаю, кто их вообще сюда пустил. Публикации чтобы нет завтра, как и потом до окончания расследования.

В зале раздался смешок то ли от понятной, но смешной фразы «Публикации чтобы нет», то ли потому, что кто же будет слушать генерала во времена полной свободы. Да кое-кто уже прилепил к уху свой мобильный телефон и диктовал срочно в номер сенсацию.

Генерал вздохнул. Он и сам понимал, что от сенсаций уже не уйти. Но сказать надо было, что бы отчитаться перед ещё более высокими начальниками о том, что всё необходимое и возможное делалось.

– Подробный разговор состоится в управлении, куда всех вызовем.

Откуда-то из темноты вынырнул юркий худенький молодой корреспондент и, протягивая генералу свой микрофон, затараторил:

– Телевидение, канал ВТТ, программа «Враньё и только враньё». Скажите, пожалуйста, какие будут приниматься вами меры. Дайте нам ваше эксклюзивное интервью.

Канал «Вот Так Так», или коротко «ВТТ», славился сенсационными разоблачениями, репортажами с мест событий, громкими передачами, в правдивость которых можно было бы и не верить, но смотреть хотелось. Человек по природе любитель не столько правды, сколько сенсации.

Генерал третий раз тяжело вздохнул, заметив, что за корреспондентом вынырнула и камера. Конечно, как же могло обойтись без телевидения? И он рявкнул:

– Я сказал интервью нет! Уберите вашу камеру. Лейтенант! Стоявший рядом офицер взял под козырёк.

– Это мой канал, – прозвучал вдруг спокойный голос из полумрака. – А вы, генерал, не имеете права убирать телевидение. У нас, как-никак, демократия.

– Господин Утинский, – возразил генерал, подумав расстроено: «И этот чёрт здесь», – я не выступаю против демократии, но нельзя же говорить о том, что никому пока неизвестно. Вы взбудоражите всю страну. А кто будет её успокаивать?

– У каждого своя работа, генерал, – ответил спокойный голос.

Генерал пошёл к выходу. В голове роились вопросы: Неужели опять не выплюсь? Кто же это здесь наделал шуму? Может просто фокусник какой-то? Но ведь взял несколько сот тысяч долларов. Хороши фокусы. Как это его никто не мог взять и даже застрелить? Почему никто не заметил, как он ушёл из казино? Почему водитель оперативной машины милиции тоже ничего не понял, заметив только, что вышедший человек очень легко и быстро шёл, как на коньках, но скрылся за углом. А ночью прохожие не так часты, так что никто и не видел, как исчез странный посетитель казино. Как с этим разобраться? Кто остановит прессу, которая уже утром наделает шума на весь мир? Придётся не столько заниматься делом, сколько отвечать на тысячи вопросов, каждый из которых так и не ясен. Что же делать?

Газетный бум

Утром следующего за ночью дня свежие газеты долго не появлялись в киосках, переходах и на станциях метро. Люди спрашивали, а газет всё не было. Ожидалась сенсация.

Слухи о том, что произошло нечто необыкновенное, уже ходили, и все ждали пояснений. Говорили о появлении инопланетян, о массовом психозе, о террористической банде, о подпольной группе и даже о надвигающейся революции.

Такого давно в городе не наблюдали. У газетных киосков, точнее, полугазетных, так как чисто газетных уже давно не было – во всех продавалась и всякая всячина – выстроились очереди в ожидании подвоза газет.

Сначала появилась и в считанные минуты была распродана, как ни странно, «Эротическая Вралька».

На первой полосе красовался нарисованный наскоро громадный мужчина с обнажённым торсом, но в джинсах и высоких сапогах. Усы, раскинувшиеся чуть ли не на половину страницы, гармонировали с такой же широкой улыбкой. А улыбаться ему было отчего. Мышцы широкоплечего гиганта так и играли силой. Правой рукой он обнимал за шею обнажённую девушку (это уже был не рисунок, а фотография), эротически изогнувшуюся таким образом, что широкобёдрая часть её, переходившая в ноги, упиралась в самый край газетного листа, и потому казалось – стоит отвернуть загнутый краешек и можно будет увидеть недостающую верхушечку этой пикантной части тела. Грудь девицы, своей сексуально взбодрённой пуговкой смотрела в нижний край страницы, на которой стояла её же красивая ножка. Лицо счастливо вытягивало губы для поцелуя, глаза томно прикрыты. Словом, вся эта фото рисованная композиция вызывала только желание единения.

Текста оказалось совсем немного. Рассказывалось, что сегодня ночью одно из самых фешенебельных казино города, что на Тверской улице, посетил никому не известный до сих пор молодой человек с фигурой Аполлона, который восхитил своим галантным поведением, красотой и могуществом всю женскую половину находившихся в зале. Одно событие несколько омрачило его появление. После ухода красавца у звезды эстрады (фамилия умышленно не называлась) пропало очень ценное кольцо. Предполагалось, что Аполлон взял его себе на память в связи с неожиданно ворвавшейся в его сердце любовью к актрисе. Кольцо, несомненно, будет вскоре возвращено вместе с признаниями в любви.

Очереди у киосков, рассосавшиеся было при покупке «Эротической Вральки», снова восстановились в ожидании следующих газет. Массовые опоздания на работу в этот день легко оправдывались важностью события. В процессе ожидания иногда покупались и те газеты, редакции которых ничего не знали о ночном скандале в казино, а потому писали только о политических и криминальных сенсациях, мало кого интересовавших в настоящее время.

Но вот появились и другие вральки.

«Московская вралька» подробно и красочно, как только позволяла журналистская фантазия, описала интереснейшее шоу, предложенное сотрудниками казино своим почётным гостям (имена очень важных персон не разглашались). Говорилось о большой подготовительной работе и сложности осуществления проекта, связанного с большими денежными затратами. Высказывалась большая благодарность посетителям казино, пожертвовавшим немалые суммы в валюте, которая пойдёт на благотворительные цели. Сообщалось также, что все казино в городе будут временно закрыты для реконструкции общей системы их работы, которая тоже потребует немалых средств, а потому желающим оказать помощь в столь важном деле и приобщиться к игорному бизнесу в будущем в качестве будущих акционеров предлагалось перечислять посильные валютные вклады на указываемый банковский счёт. Имя героя шоу не называлось, но утверждалось, что артист потряс публику своим талантом.

«Вралька сегодня» поместила на первой полосе большое фото генерала и в большой сопроводительной статье рассказала о том, как бессменный часовой Москвы, ни днём, ни ночью не знающий покоя, вынужден был вчера оставить свою очень приятную жену в постели и мчаться на помощь другой женщине, известной эстрадной звезде, у которой украли драгоценную вещь – память о прабабушке, передаваемую из поколения в поколение. Генерал, якобы, поклялся, что семейная реликвия будет найдена, даже если из-за этого придётся развестись с собственной женой, ревниво относящейся к каждому ночному выезду супруга, тем более в казино, где играют в любовь знаменитые певички.

«В этом одна из многочисленных трудностей работников милиции», – заявлял корреспондент, добавив, что, по словам генерала, проблема частной собственности каждого человека для него как представителя государственной власти является его личной проблемой, и потому он для её разрешения не пожалеет собственных зубов, если придётся драться.

В конце статьи, описавшей жизнь генерала, с сожалением добавлялось, что генерал не успел на интересное представление, которое предлагалось в ту ночь посетителям казино на Тверской улице. Оно могло бы хоть как-то скрасить тяжёлую жизнь военного человека.

«Независимое враньё» писала совершенно другое, и газету стали расхватывать с ещё большим энтузиазмом. Первая полоса была отдана под портрет рыжего коммерсанта, чешущего себе затылок. Крупными буквами через сам портрет шла надпись: «Новый удар по бизнесу нового президента или...?». Дальше шло интервью с бизнесменом, в котором говорилось о проблемах страны с развитием частного предпринимательства, о стремлении бизнесменов упрочить приобретенную ими в пылу политической неразберихи частную собственность, о том, что они никогда не согласятся на передел того, что им так легко досталось, но так трудно будет сохранить и приумножить, если будут иметь место случаи подобные ночному шоу в казино на Тверской.

Понятно, говорилось в газете, что государство и новый президент испытывают определённые трудности в сборе налогов, но означает ли это, что для решения каких-то собственных, пусть и называемых государственными, проблем нужно подсылать кого-то в казино, где собираются на отдых от мирских забот приличные люди, и насильно собирать с них деньги? По этому случаю рыжий бизнесмен припомнил, как уже однажды его людей почему-то арестовали при выносе через проходную суммы в полмиллиона долларов. Дело давнее, урегулированное, однако вспомнилось. В этот раз из казино тоже ушли немалые деньги, но позволительно спросить, куда и по чьему указанию? Не является ли это попыткой своеобразного передела собственности? Бизнесмены не потерпят насилия и примут все меры к недопущению проведения такой политики в государстве.

«Враньё за рубежом» в последнее время не пользовалось особой популярностью читателей, однако в этот памятный день было раскуплено полностью, как и другие газеты, освещавшие события в казино. Причина в том, что зарубежные средства массовой информации узнали о случившемся в Москве чуть ли не в те же минуты, что и журналисты Москвы, если не раньше. Так что их радио и телевизионные агентства вещали о появлении Зивелеоса практически всю ночь, называя его имя открытым текстом. Поэтому газета «Враньё за рубежом» единственная в стране назвала имя пришельца. А именно пришельцем из космоса и определили все зарубежные информационные службы Зивелеоса. Газета «Враньё за рубежом» успела даже поместить мнения крупных учёных, поднятых в ту ночь с кроватей тревожными телефонными звонками. Те, спросонья не понимая о чём идёт речь, поясняли, что пришелец, явившийся в Москву, есть не что иное, как знак небесных сил о совершенно неверном курсе, предпринятом Россией в последнее время. Стремление снова стать сильным государством явно противоречит всеобщим космическим устремлениям. Собственный большой бизнес, крупные нефтяные, газовые, и золото-алмазо-добывающие компании должны быть только частными. Именно это подтвер-

ждает исчезновение золотого кольца с бриллиантом у эстрадной артистки. Если Россия этого не поймёт, она будет раздавлена окончательно космическими силами.

Еженедельный журнал «Итоги вранья», естественно, не успел высказать своё суждение. Оно готовилось к концу недели.

Только одна газета «Московская невралька» высказала совершенно отличное от всех мнение. Эту газету с момента появления её на прилавке – а она пришла позже всех газет – расхватывали, забывая взять сдачу, хотя цена на это издание была самой низкой. Хватали по одной причине – с первой страницы на читателя смотрело через огромные очки фото человека, вызвавшего такую сенсацию своим появлением в казино. Подпись под фото была лаконичной, но многозначачей:

«Редакция газеты не знает, что именно произошло, но получила информацию о том, что сегодня ночью в печально известном своими транжирами денег казино на Тверской улице города Москвы неизвестным человеком была произведена частичная экспроприация экспроприаторов. Как нам стало известно, отобранные деньги поступят в народную казну. Публикуем фото экспроприатора».

«Невралья» не врала.

Только Николай вошёл в квартиру, как зазвонил телефон. Положив у зеркала принесенный конверт, пройдя прямо в обуви к стене, на полке которой стоял старенький телефонный аппарат, он снял трубку:

– На проводе.

– Николай, срочно летим в редакцию! Я уже на пути к тебе. Старик собирает летучку. Такое дело, брат, расскажу, как встретимся. Ты не спишь, надеюсь? Звонил тебе пол часа назад, тебя не было. Минут через десять машина у подъезда. Спускайся, что б я не ждал, и погоним в редакцию. Очень срочно.

Это звонил ответственный секретарь редакции «Московская невралька» Олег Пригоров. Николай усмехнулся, слушая пулемётную речь ответственного, и устало ответил:

– Ладно, только не гони. Дай хоть умыться. Я только вошёл. Через пятнадцать минут буду внизу.

Для встречи в редакции ему нужно было переодеться. Времени в обрез. Пятнадцать минут не так много, но армейская привычка делать всё быстро сохранилась. Вернувшись в прихожую, отстегнул липучки, снял ботинки и спрятал их в шкаф. Туда же, но на верхнюю полку пошли усы, шлем, ларингофон с галстуком, пояс. Всё быстро отстёгивалось, разъединялось и аккуратно укладывалось.

Спрятав кожаный костюм, не снимая белой сорочки, пошёл в комнату и положил в нижний ящик комода небольшие технические устройства. Заскочил в ванную, смыл раствором клей с верхней губы, плеснул холодной водой в лицо, вытерся, посмотрел на часы. Ушло семь минут с момента разговора по телефону. Вбежал в комнату, надел джинсы. В прихожей обул кеды, набросил на плечи курточку, взял конверт, сунул его за пазуху. Прошло ещё четыре минуты, оставшиеся на лифт и выход из дома. Машина Олега уже ждала.

Помещения редакции находились на седьмом этаже огромного здания, на других этажах которого располагались редакции многих газет и журналов. При входе в большой прихожей стояла невзрачная деревянная этажерка, на полках которой были названия редакций. Здесь складывались письма, которые приносились частными и официальными лицами, не имеющими либо времени, либо пропуска, чтобы подниматься на этажи. Это позволяло многим читателям, желавшим обратиться к своей газете с жалобами на то или иное начальство, класть сюда письма на соответствующую полку, минуя возможные заградительные кордоны, существующие на некоторых почтовых отделениях. Такая система передачи писем позволяла редакциям получать правдивую информацию непосредственно от жалующихся и в то же время избегать долгих разговоров с теми, кто являются просто графоманами, приносящими свои рукописи кажущихся им бессмертных творений во все редакции, или профессиональными жалобщиками, обращающимися в редакции по самому незначительному пустяку. Всем им, если они звонили по телефону с предложением материала или письма, отвечали: «Оставьте на этажерке у входа. Наш сотрудник обязательно спустится и заберёт, а мы рассмотрим ваше послание и ответим всенепременно».

Когда Олег с Николаем подъехали к редакционному центру, или как ещё его называли, комбинату, Николай вышел из машины первым и, пока Олег запирает дверцы машины, вошёл в здание, подошёл к этажерке положил взятый дома конверт на полку «Московской невральки» и тут же отошёл в сторону, словно ожидая Олега, чтобы вместе идти к задремавшему на стуле охраннику.

Олег торопливо появился в дверях и хотел, было, бежать дальше, но по привычке глянув на этажерку, заметил конверт:

О, надо взять.

– Да мы ж торопимся, – неуверенным голосом возразил Николай.

– Секунда дело не меняет, а письмо лежит. Я уходил из редакции вечером – всю почту забрали.

Он говорил это набегу, забрав конверт и вчитываясь в адрес. Проходя мимо пробудившегося от голосов милиционера, заметил:

– Смотри ты! Я оказался прав. Это срочное и лично старику. Пухлый конверт-то. Не иначе как новая романа от графомана, – рассмеялся он. – Но сдадим, как положено.

В кабинете главного редактора все ожидали появления Олега с информацией о событии, свидетелем которого он сам не стал, так как узнал о нём от подруги работавшей на кухне ресторана казино. С дрожью в голосе она позвонила ему домой, как только услышала сначала громкий голос Зивелеоса а затем и выстрелы в зале. Поняв от девушки только то, что происходит нечто чрезвычайное, он не медля ни секунды, схватил диктофон, ручку, блокнот и успел побывать на месте событий в момент разбора ситуации. То, что ему удалось услышать и понять, он и начал наскоро излагать, после того как, положив на стол редактора конверт, проследовал на своё обычное место в углу комнаты.

– Значит так, – начал Олег, не ожидая предоставления ему слова. Понятно, что все были в нетерпении. – Случилось что-то непонятное. В казино шла обычная застольная игра. Девушки плясали, ансамбль играл. Вдруг в зал прошёл какой-то человек не из членов клуба. Как ему удалось, никто не знает. Я, Семён Иванович, – обращаясь к редактору, говорил Олег, – с большим трудом туда дважды попадал, когда вы поручали мне писать материал. Сегодня, как я думаю, парень просто заплатил стоявшим на вахте, иначе его бы не пустили.

– Он молодой этот парень? Как выглядел?

– Да я не видел. Но один из вахтёров признался мне, что какой-то парень проходил в странной обуви и чёрном костюме, но без перчаток и головного убора. Они, наверное, были у него в сумке, потому что, когда начался скандал, то он вбежал в зал и узнал того парня только по обуви. Всё остальное изменилось: появились усы, очки, то ли шлем, то ли котелок на голове. Брюки и ботинки были те же.

– Ну, так. Что было дальше? – нетерпеливо потребовал продолжения редактор, заметив, паузу в рассказе.

– Я просто пытаюсь сообразить. Очевидно, этот парень зашёл в туалет и надел всё остальное там.

– Возможно, – согласился редактор, – но ты давай пока факты, которые узнал, а рассуждать будем позже. – Надо готовить срочную информацию в утренний номер. Я уже дал стоп типографии. Там всё зависло. Ждут команду.

– Понимаю, – поспешно сказал Олег и продолжил рассказ. – Человек этот, оказавшись в центре зала за игорным столом с рулеткой, назвал себя не то Зивлесом, не то Зевлесом. Все по-разному говорили. Одно ясно, что голос был громовой. Предполагают, что он использовал ларингофон, хотя такой силы звука он не мог дать, как говорят. Впрочем, некоторые считают, что это был либо космонавт, либо инопланетянин. Кто-то полагает, что это шутка владельцев казино. Тут действительно было что-то мистическое, не похожее ни на шутку, ни на реальность. Люди падали со стульев, но никто не видел, чтобы пришелец кого-то трогал руками. Потом он собрал деньги со столов и тоже к ним не прикасался. Мог, конечно, использовать пылесосное устройство, но ведь оно бы забилось мгновенно бумажками.

Олег виновато посмотрел на всех и добавил:

– Вы извините, что я рассуждаю попутно. Я говорю то, что слышал только что от очевидцев.

Да ладно, Олег, продолжай, не останавливайся.

– Всё это, говорят, было очень быстро. Пришелец...

– Что ты его пришельцем называешь? Неужели мы должны ещё верить в пришельцев из космоса? – возмутился заведующий общественно-политическим отделом, полный мужчина с очень крупным одутловатым лицом. – Обыкновенный бандит, наверное, придумавший какую-нибудь хитрость.

– Погодите Василий Валентинович, – остановил своего зава редактор, недовольно прихлопнув рукой по столу. – Мы ещё ничего не знаем. Пусть Олег продолжает.

– Хорошо, – согласился Олег, – пусть не пришелец. Я-то сам его не видел. Пусть будет бандит. Забрав деньги с одного стола, он подошёл ко второму, за которым сидел наш известный рыжий предприниматель, и свалил его и соседа. Собрал там деньги, тоже не притрагиваясь к ним. Потом приказал всем выложить деньги из кошельков.

– А что же никто ему не мешал в этом? – возмутился редактор. – Охрана – то у них что делала?

– Ах да. На него напали телохранители. Но, говорят, он их разбрасывал каким-то странным способом. То есть все утверждают, что он вроде не дрался с нападавшими, но все почему-то падали. А когда пришла милиция, не то ОМОН, не то Альфа, то и они ничего не могли сделать, даже стреляя из автомата. Тут вообще какая-то фантастика. Никакой фокус не может заставить пули лететь рикошетом в пол. Это же пули. Майор стрелял по ногам парня, чтобы тот не мог уйти, а он, будто бы просил не стрелять, чтобы никто случайно не пострадал.

– Так, может, майор стрелял холостыми? – поинтересовался самый опытный работник редакции Воробьёв, занимавшийся вопросами военной политики.

– Нет, я сам видел пол, изрешеченный пулями.

– А что там мне звонили перед твоим приходом ещё о пропавшем кольце? Тоже факт?

– Да. Дело в том, что парень, собрав деньги со столов, приказал всем достать деньги из кошельков, пригрозив не то пистолетом, не то просто стволом, никто не понял чем. Но для острастки он выстрелил из этого орудия по лампочке. Правда, выстрела никто не слышал, но лампочка на стене разбилась и погасла. Все перепугались и стали выкладывать, что было. Одна наша краля эстрадная побоялась, что парень увидит её кольцо с бриллиантом, и пока деньги собирались в противоположном конце, она сняла своё украшение с пальца и сунула в сумочку, которая висела на стуле, но вынула оттуда пятьсот баксов и положила перед собой, чтобы от неё ничего больше не требовали. Потом, когда парень собрал деньги и ушёл, она взяла сумочку, но кольца там не было. Вот, собственно, и всё.

– Так сколько ж он грабанул? – поинтересовался редактор и, неожиданно вспомнив о лежащем перед ним конверте, начал его раскрывать в ожидании ответа.

– Между прочим, мне кто-то сказал, что грабитель тот пояснил своё поведение, заявив, что берёт только то, что было награблено у народа. То есть он действительно выступал в роли своеобразного Робин Гуда.

– Так мог сказать каждый, – заметила Нина Владимировна, заведовавшая отделом экономики и социальной политики. – Каждый вор оправдывает своё поведение благородными целями, но остаётся вором.

– А не может такого быть, что всем показалось это по пьянке? – спросил редактор, доставая из конверта какое-то чёрный пакет. – Ведь все там были выпившими.

– Так-то оно так, – согласился Олег, – но потом приехала трезвая милиция. Майор стрелял абсолютно трезво. И всё же...

– Погоди-ка, – прервал его неожиданно редактор. – Посмотрите, что было в конверте.

На развёрнутом чёрном листе плотной бумаги лежали аккуратные пачки столларовых купюр.

Кто это принёс? Олег откуда это? Это же ты мне дал?

– Я, – промямлил тихо Олег, изумлённо уставившись на пачки денег. – Этот конверт лежал на нашей полке в вестибюле. Я только взял...

– Минутку, – снова прервал его редактор. – Тут ещё конвертик лежит.

Он надорвал конвертик поменьше оказавшийся под одной пачкой денег и достал листок бумаги. В нём было написано:

«Эти деньги часть из реквизированных мною в казино. Вы, мне кажется, самая правдивая газета и выступаете за народ. Используйте деньги на его благо. Продолжайте говорить правду людям. Повышайте тираж. Помогайте изменить жизнь народа к лучшему, а я буду помогать вам и дальше. С уважением. Зивелеос».

Редактор прочитал записку по себе затем вслух. Минуту никто ничего не говорил.

Затем редактор поднялся и сказал:

– Это действительно любопытно. Значит, кто-то на самом деле обладает непонятной силой и хочет обратить её на помощь людям. Я думаю, мы должны его поддержать. Я не знал о таком повороте событий и нашего бухгалтера на совещание не приглашал. А он, оказывается, нужен. Но ничего. Владимир Владимирович, – обратился он к Воробьёву, – пересчитайте, пожалуйста, сколько здесь долларов, составьте скоренько акт о приёме и положим деньги в сейф, а мы пока составим информацию о случившемся для читателей.

Но тут он снова взял маленький конверт.

– Тут что-то ещё, кажется, лежит. Да, точно, – и он достал фотографию. Все вскочили и кинулись смотреть. На снимке было фото Зивелеоса в той самой одежде, которую описывали свидетели.

– Это потрясающе, – воскликнул редактор с несомненной радостью в голосе. – Давайте поместим это фото и дадим краткую подпись. Только какую?

Николай, давно готовившийся к этому моменту, предложил написать об экспроприации экспроприаторов и получении денег.

Все согласились без обсуждений. Николай и раньше отличался ценными предложениями, так что это не оказалось неожиданным. Информация пошла в печать. Редакция разошлась по домам только после выхода номера.

Текущие мысли

У Николая была смешная фамилия Самолётов. В школе, а потом, когда ещё в третьем классе он потерял родителей, погибших в авиакатастрофе, и попал в детдом, то и там его называли Лётчиком. Возможно вполне, что это каким-то образом отразилось на его дальнейшей жизни. Что ни говорите, а имя и фамилия оказывают влияние на судьбу человека. По крайней мере, в детстве это важно для каждого, а на некоторых то, как их кличут, воздействует всю жизнь. Да это легко заметить, если сравнить, например, судьбы людей с фамилиями Жизнев, Жизневский, Жизник, Жизницкая, Жизненко или Жизняков – понятна идея? – с судьбами тех, кто носит фамилии с противоположным по смыслу корнем, то есть Смертин, Смертьева, Смертенюк, Смертенко и далее в том же духе.

Понятно, что на застолье у какого-то вполне приличного товарища Смертина никто не поднимет тост «За твою фамилию, друг!». Это ведь всегда будет звучать двусмысленно с плохим подтекстом. Зато в гостях у Жизнева обязательно какой-то весельчак скажет: «Желаю тебе, дорогой, чтоб фамилия твоя оправдывалась и жил бы ты долгие годы!». А теперь представим себе, что эти две фамилии оказались за столом рядом. За одну фамилию пьют, а за другую нет. Вроде бы никто и не хотел обижать второго, но у того в душе червячок зависти уж зародился: «Что же это за напасть на меня такая? За что мне такая фамилия?». Нет, не скажите, имя и фамилия многое значат в жизни каждого.

Николай Самолётов не стал лётчиком, хоть и было у него такое прозвище. Однако...

Впрочем, об этом потом. В это утро, набрав по пути всех газет и прочитав, стоя в метро, все описания событий в казино, приехал он домой, забежал наскоро в ванную, плеснул в лицо водой, чтоб освежиться, и плюхнулся на диван, не раздеваясь. Его начала колотить дрожь. Нужно было успокоиться.

Какую-то неделю назад вся жизнь была совершенно другой, а именно не такой, какой начиналась с сегодняшней ночи. Теперь все газеты будут писать о нём. А хотел ли он такой славы? Это не вопрос. Лучше спросить себя, хотел ли славы вообще? Другое дело. Но и такой прямо поставленный вопрос не мог получить однозначного ответа.

Став профессиональным журналистом, Николай никогда не забывал о стихах, которые пописывал время от времени. Но в своей газете их не показывал и тем более не публиковал. Стало быть, к славе и не стремился? Вот ведь, бывая время от времени в Доме литераторов или в Союзе писателей, ему часто приходится встречаться с поэтами. Сидя за стаканом водки, без которой не обходилась почему-то ни одна встреча, какой-нибудь мало-мальски известный в узком кругу любителей поэт начинал вдруг бить себя в грудь кулаком и утверждать, что именно он самый гениальный поэт сего времени, поскольку за последние пару десятков лет не родился, все подтвердят, ни один более талантливый сочинитель, чем он.

Через день какой-то другой поэт, пусть даже без стакана водки, совал Николаю в руки книгу стихов, которые предварялись предисловием, написанным самим автором, и утверждающим, что именно этот автор совершенно гениален и не сравним ни с кем из существующих стихотворцев.

Слушая их, Николай улыбался, робко говоря, что тоже пишет стихи, но не для того, чтобы заработать или поразить кого-то своим гением, а только тогда, когда строчки сами рождаются. Значит, он не гнался за славой? Но в то же время он журналист. А кто из журналистов не мечтает стать известным? Кому не хочется, чтобы его статьи читали запоем? И всё-таки нет. Николай писал то, что считал нужным. Ему хотелось изменить мир – это да. Изменить к лучшему. Вот что действительно хотелось. И всё, что писал, предполагало именно попытки объяснить, что и как, помочь разобраться. Стало быть, слава тут не при чём. Пожалуй, так.

И сегодняшняя ночь, и то, что ей предшествовало, конечно, связано было с желанием помочь и только.

Слава. Она придёт обязательно теперь, вернее, уже пришла. Но нужна ли она? Нет, однако никуда не деться. И хотя это было предусмотрено, приход её вызывал дрожь в теле. Нужно было успокоиться. Николай закрыл глаза. И всё, что было в казино, прокручивалось снова и снова. Там он держал свои нервы. Чувствовал себя совершенно спокойным.

Оно – спокойствие в самые ответственные минуты – стало привычкой, воспитанной в воздушно-десантных войсках, где отслужил полный срок, положенный солдату. А, может, оно родилось ещё до детского дома со словами отца, как бы завещавшего сыну: «Помни одно, если уж решил что-то делать, то делай, не отступаясь. Самое опасное – это сомнение во время действия. Оно помешает выполнить задуманное». Так он говорил, когда нужно было перейти ручей по бревну или прыгнуть в море с казавшегося высоким камня. «Сомневайся до того, как начал, – учил он, – но не после». Эти слова отца Николай нёс через всю жизнь. И сегодня, он понимал, нет уже места сомнениям. Дело начато на всю оставшуюся жизнь. Какой она теперь будет, короткой или долгой? Счастливой или несчастной? Да это ли важно? Главное, что сегодня удалось заявить протест тем, кто привык, что им никто не возражает, удалось щёлкнуть и сильно по носу тех, кто думал, что они самые сильные и могут делать с людьми всё, что им взбредёт на ум. Он сделал первый шаг, и это заставит их задуматься, заставит почесаться. Но то ли их ещё ожидает? А он молодец. Решился-таки. То ли ещё...

Сон захватил Николая как всегда неожиданно. Сутки переживаний утомили.

Силы безопасности в тревоге

Генерал Казёнкин приехал домой, но уснуть так и не смог. Почувствовал, что успешной карьере пришёл конец. Разгадать сегодняшнюю шараду вряд ли удастся до того, как его снимут с должности. Уж эти бизнесмены постараются. Эти воротилы могут тысячи просаживать в карты и в рулетку, но чтобы отдать вот так за фу-фу даже рубль по чьему-то приказу – это они не переживут. И что же произошло в самом деле? Появился какой-то супермен? Фантомаса нам ещё не хватало. В него стреляют, а он себе спокойно уходит. Нет, тут что-то не то. Явно кто-то сделал фокус-покус. Похоже на массовый гипноз.

Эта мысль и обрадовала, и расстроила. Точно – это гипнотизёр. Найти-то мы его найдём. И не таких находили. Но неприятностей принесёт – всю жизнь отмываться будешь. С должно-сти-то меня потеснят. Шутка ли, самого Рыжего грабанули? Но если быстро развернуться, так ещё посмотрим кто кого. Может, наоборот удастся в министры выйти.

Между прочим, говорят, что гипнотизёра Вольфа Мессинга нельзя было удержать в тюрьме. Он мог легко загипнотизировать охрану и выйти в любое время. Если и этот такой же, то не очень-то просто будет с ним сладить. Но человек есть человек.

Генерал вспомнил, что на эту тему есть народная пословица, но никак не приходило в голову, как она звучит – не то на всякую телушку своя полушка, не то на всякую полушку своя телушка. Во всяком случае, он почувствовал, что дело всё-таки должно иметь реальную почву, а потому будет иметь решение. Но скандала с утра не избежать.

И как в воду смотрел. Утро для генерала началось очень рано. Позвонил сам министр.

– Ты что же это там спишь? Ничего себе! Москва на ушах ходит, а ты в постели валяешься.

– Так я же там был, Валериан Валериевич.

– Знаю, что был. Толку-то. Где этот проходимец? Взяли его? Знаешь, кто это?

– Нет пока.

– А нет, так нечего в постели валяться! Быстро в кабинет! Президент уже знает. Ищите!

Трубка загудела рассерженными короткими гудками. Генерал понял, что не ошибся в худших своих предположениях. Жизнь давала трещину. Можно и погон лишиться. Вот ведь беда.

Только что прильнувшая было к мужу жена, услышав короткий разговор по телефону, недовольно отвернулась, свернувшись калачиком и бурча в подушку:

– Вот уж и министр ни свет ни заря звонит. Делать им что ли нечего? Нормального утра дожждаться не могут.

– Замолчи ты! – рявкнул генерал. Тут увольнением пахнет. Потеряю всё, будешь тогда бурчать.

– А что случилось, дорогой? – испугалась жена.

– Что-что? Гад какой-то казино ограбил. С пол миллиона долларов хапнул. Да ты скоро всё из газет и по телевидению узнаешь. Они набрешут больше, чем я. Им сенсация, а меня турнут так, что не скоро поймашь, если не раскрутимся быстро. Думал до утра ещё не будут беспокоить, так нет же, уже нажаловались.

– А кто?

– Кто-кто? Скорее всего, Рыжий наш. Он там играл и оказался среди ограбленных. Ну и другие не мельче. Утинский был. Может, он брякнул президенту? Но ничего. Спи пока. Сейчас будем разбираться.

У входа в министерство стояла толпа корреспондентов. Этого следовало ожидать. Генерал вышел из машины, не отвечая ни на какие вопросы, расталкивая самых назойливых. В

кабинете министра запестрели генеральские звёзды. Заседание началось. Доложить предложили Казёнкину.

Описав кратко, что было ему известно, генерал сделал акцент на том, что он сам лично прибыл на место происшествия, разобрался с ситуацией и, по его мнению, причиной скандала является человек, скорее всего, с ненормальной психикой, но обладающей способностью к массовому гипнозу.

Говоря последнее, генерал мысленно поздравил себя с ещё одним открытием о том, что грабитель был с ненормальной психикой. Однако это сразу вызвало вопрос у министра:

– Почему вы решили, что у него ненормальная психика?

Надо заметить, что на совещаниях и вообще в официальных встречах министр мог сказать генералу и «ты», когда был рассержен. Поэтому то, что он сказал сейчас «вы», означало, что выступление генерала охладило министра. Значит, линия выступления была выбрана правильно.

– Свидетели говорили, – продолжал Казёнкин уже более решительно, – что преступник заявил, будто взятые им деньги пойдут народу, поскольку он считает их награбленными у народа. Я думаю, что это типичная идея маньяков, воображающих себя Робин Гудами.

Сидевшие за столом генералы согласно закивали головами.

– Как собираетесь действовать?

– Выявим круг лиц, знакомых с гипнозом. Они обычно известны. Узнаем, кто из них, где был сегодня ночью. Получим так же информацию из психоневрологических диспансеров на эту тему. Узнаем, не сбежал ли кто из психиатрической больницы. Такое тоже возможно. Думаю, найдём быстро.

– Что ж, – одобрительно сказал министр, – ваша версия кажется разумной. Полагаю, мы можем так и объяснить всё средствам массовой информации. Кстати, не могло ли быть там применение каких-либо специальных средств типа газа, влияющего на психику людей?

– Такая мысль не приходила в голову.

– Проверьте, – сказал министр. – Возьмите пробу воздуха. И пригласите для беседы специалистов по части психиатрии и гипноза. Пусть они оценят ситуацию. Что касается всех остальных служб, то необходимо принять меры для информации всех сотрудников о возможном повторении подобной акции. Необходимо раздать всем постам описание внешности, составьте портрет, благо он хорошо представлен свидетелями. Рекомендуйте в случае задержания немедленно завязать преступнику глаза и рот. Это должно предотвратить возможность гипноза. Желательно подходить к нему сзади. Всем приступить к исполнению немедленно. Я иду к журналистам. Всё. Совещание окончено. О любых новых подробностях докладывать немедленно.

И пьяница бывает полезным

Ближе к вечеру того же дня, когда жара всё ещё захватывала выскочивших на улицы людей и тащила к самым разным питейным заведениям, как то: бочкам с квасом, тележкам с водой, ларькам с пивом, а то и к более серьёзным заведениям, куда стремились не столько питья ради, сколько утоления томления души, в такой вот именно час возле одного из пивных ларьков оказался плюгавенький с виду несчастно одетый в старенькие брюки и отнюдь не новую и не стиранную давно рубашонку мужичок. Он явно страдал жадой, как и подошедший только что солидно одетый вполне приличный мужчина, успевший купить большую кружку пенящегося напитка. Разница была лишь в том, что один уже утолял свою жажду, не обращая внимания на проходящую мимо жизнь, уткнувшись в развёрнутую на выносном столике газету, придавив её кружкой с пивом, и держа в руке мобильный телефон, что подтверждало состоятельность гражданина, а другому хотелось пива, но у него не было возможности его купить в силу простого отсутствия каких-либо денег в немногочисленных карманах, то есть всего в двух брючных – так уж делают брюки, что в них всегда есть карманы, даже когда нет денег. На рубашке, например, никакого кармана не было, если не принимать светящиеся дыры за карманы. Но дело не в этом.

Подошедшему плюгавенькому (ах, да, я это уже говорил) мужичку так и не удалось бы, наверное выпить именно в данный момент, не найди он неожиданно прекрасный повод для интересного разговора. Помогла чистая случайность, а может несколько сразу. Суть в том, что половина газеты, которую читал пьющий уже пиво джентльмен, свисала с высокого круглого столика. На свисающем листе был ясно виден портрет человека, на который и уставился пока ещё трезвыми глазами плюгавенький мужичок.

А надо сказать, что когда очень хочется пить, и особенно выпить, аппарат головного мозга работает очень быстро в нужном направлении. Портрет в газете, которую читает человек с достатком рядом с пивным ларьком – это, конечно, предмет для разговора и плюгавенький человек начал:

– Ха-ха! Я этого чудака сегодня видел, а он уж и в газету попал.

– Какого чудака? – настороженно спросил мужчина, очевидно, оказавшимся не простым служащим.

– Да вот у тебя в газете. Ну, точно я его встречал. Правда, какой-то он... – И мужичок многозначительно сделав паузу так и не прервал её.

Зато джентльмен сразу перестал пить пиво и нетерпеливо спросил:

– Какой-то – это какой? Необычный что ли?

Ну да, необычный, – подтвердил мужичок, глотая жадно слюну и глядя на не опустевшую ещё кружку пива.

– А где ты его видел?

– Дак тама, во дворе.

– Показать можешь? – оживился мужчина.

– Сейчас што ли?

– А когда же? Это далеко отсюда?

– Далеко не далеко, а только жарко, – философски заметил мужичок. – Я бы и показал, но, сам понять должен – жарко нонче. А у меня, вишь, карманы есть, но пустые, не то что, значит, у тебя. Я костюм с деньгами дома оставил, а домой жинка не пускает...

– Да ладно врать-то, – оборвал его интеллигентного вида мужчина. – Я тебе пиво куплю, покажешь, где этого чудака видел?

– Это другой разговор. Покупай, посудачим, покалякаем. Я человек слова, если душа не горит от жажды.

Не прошло и минуты, как плюгавенький мужичок приободрился, медленно со знанием дела сдувая пену с края большого бокала и со счастливым выражением на лице пригубливая вожделенный напиток. После двух больших глотков, почувствовав как приятная влага стекает в истомившийся желудок, он начал рассказ:

– Ну, стал быть, вчерась повезло мне с Колькой, сожителем моей тётки. Он получил башли, и мы прилично погудели у него. Так я не помню, как и вышел. До дому своего не дотяпал и осел отдохнуть. Там есть такой закуток удобный меж двояма домами. То ранише один дом стоял, а потом большущий рядом отгрохали. Так удобно, сядешь и никто тебе не мешает.

Мужичок прервался и стал жадно пить пиво, резонно полагая, что одной кружки за рассказ будет мало. Но слушатель оказался понятливым и вполне деловым. Догадавшись о намерении мужичка потребовать ещё кружку пива, сказал:

– Вот что, ты давай быстрее рассказывай и пойдём посмотрим, где ты видел чудака, а потом, если не врёшь, поставлю тебе бутылку.

– О! – Воскликнул обрадовано мужичок. – Да ты деловой. А я не вру, ей бо! Допью и сразу туда. Это рядом.

Опустошив одним непрерывным глотком бокал, мужичок вытер рукой губы и бодро сказал:

Ну, тронули! По пути доскажу.

Они пошли переулками, а мужичок теперь уже заговорщицким тоном, будто боясь быть услышанным кем-то другим, говорил:

– Проснулся я оттого, что кто-то вроде шмыгнул мимо меня. Глаз открыл, а этот вот, что у тебя на фото, остановился меж стен, значит, и как рванёт вверх. У меня аж второй глаз открылся и оба на лоб полезли.

– По лестнице что ли?

– По какой лестнице? Отродясь их там не было на стенах. Полетел он.

– Что ты мелешь, пьянчуга несчастный! – взорвался негодованием мужчина интеллигентной наружности и остановился, решив, что бездарно попался на удочку пьянице-фантазёру. – Ты что меня за дурака принимаешь? Кружку пива выпил и уж давай врать? Я тебе шею-то намылю за враньё.

– Что ты такой нервный? – спокойно ответил мужичок. – Вот те крест, что не вру, если ты верующий. Сам-то я безбожник. Идём, не стой осреди путя. Два шага осталось. Говорю, что видел.

– А не померещилось спяну-то? – продолжал сомневаться мужчина, но за мужичком пошёл.

– Я-то споначалу тоже так думал. И, можа, никому не стал бы говорить, штоб не осмеяли, так вот увидел как фотку в твоей газете, то враз вспомнил того, что полетел.

– Как же он летел то? На крыльях что ли?

– Да нет, крыльев вроде не было. Шут его знает, как. Подошёл осеред стен, говорю, стал и полетел столбиком вверх. Вот, смотри.

Действительно мужичок привёл к высотному дому, недавно возведенному рядом с пятиэтажным кирпичным домом довольно старой, может даже довоенной постройки. Простенок был нешироким и мрачным. В него не выходили окна, и место было бы действительно идеальным для исчезновения.

Мужчина, случайно оказавшийся сотрудником ФСБ, подумал, что, если пьяница и соврал относительно полёта, который ему, скорее всего, померещился, то, во всяком случае, это хоть какая-то, но зацепка. Тут можно искать возмутителя спокойствия, о котором говорилось сегодня на разнарядке. И он опять взялся за мобильный телефон, чтобы доложить начальству.

Двадцать минут спустя к майору Скорикову прибыла целая бригада начальников во главе с генералом Казёнкиным. Ещё через десять минут после повторного рассказа свидетеля прибыла группа оперативников для выяснения всех личностей, проживающих в стоящих рядом домах. Надежд было мало, так как вполне допускали, что пьянице привиделся полёт, но всем хотелось верить, что преступник здесь был и здесь же скрылся. Если бы его видели в другом месте, но такого никто пока не сообщал.

След взят

Генерал Казёнкин торопился назад в кабинет. На встречу пригласили главного редактора газеты «Московская невралька». С ним Марат Игнатьевич хотел говорить с глазу на глаз. Да, его лично в казино ночью не было. Там побывал их сотрудник Пригоров, которого тоже пригласили на беседу, но тот, якобы, тоже не видел этого проклятого Зивелеоса, а фото его всё же опубликовали. Казёнкин нутром чувствовал, что попадает на след. Какая-то ниточка к газете тянется, главное ухватиться за неё и не порвать. Потянуть остороженько и добраться до канатика, а уж этим-то негодяя вытащить сил хватит. И важно, что не только газета со своими правдолюбивыми писаками может полететь ко всем чертям из-за этого, но и вся их компания, ставшая поперёк горла новым течением, на страже которых и стоял генерал. Для этого нужно было прижать редактора газеты, заставить его расколоться и, возможно, засадить по подозрению в сговоре, пока не включились большие силы противостояния. А там доказывая свою правоту, сидя за решёткой. Глядишь и всю их партию под удар поставить можно будет вместе с лидером Горюшкиным.

Казёнкин почувствовал характерный зуд в руках и потёр ладони, предвкушая гигантский шум по поводу ареста Никольского. Водитель едва заметно покосился на босса. Он давно возил своего начальника и знал, что означают эти потирания ладоней. Шеф готовил очередную операцию.

Сюрприз ожидал генерала Казёнкина в приёмной его собственного кабинета. Вместо ожидавшегося Никольского с кресла поднялся Горюшкин собственной персоной.

– Что к нам? – не скрывая изумления, спросил генерал, протягивая руку и вежливо улыбаясь высокому гостю. – Признаюсь, ожидаю другого вашего представителя, но не такого большого ранга.

– Я знаю, – ответил Горюшкин, как обычно спокойно, словно всегда уверенный в победе, крепко сжимая протянутую руку генерала. – Семён Иванович с минуты на минуту будет здесь. А ранг у него не такой уж и маленький. Главный редактор газеты, он ведь и член нашего политбюро, почти на равных со мной правах.

– Понимаю, – согласно кивнул головой Казёнкин и широким жестом пригласил Горюшкина в кабинет.

Пока пили принесенный незамедлительно чай с лимоном и обсуждали ночное событие, появился и ожидавшийся с нетерпением Никольский. Главный редактор нёс в руке дипломат, вызывавший у дежурных всех промежуточных постов подозрение, но все знали, кто, к кому идёт и зачем идёт, так что не задерживали лишними вопросами и подозрениями.

А Никольский с порога, не здороваясь, лишь глянув скорым взглядом на Горюшкина, который слегка кивнул головой, бросил:

–

Вот принёс, смотрите!

–

В чём дело? – удивлённо спросил генерал.

–

Смотрите, что я принёс, – коротко ответил редактор и, положив на стол дипломат, открыл его.

–

Что?!

Генерал то ли не знал возмущаться ему и вызывать немедленно охрану то ли не смог сдержать порыв любопытства и потому вскочил со своего кресла, передёрнув погонами на плечах, но Никольский не заставил себя ждать с пояснениями:

—

Здесь сто тысяч долларов.

— Молча-а-ть! — заорал вдруг Казёнкин, перекрывая голос редактора и как-то странно повёл головой, многозначительно обводя глазами кабинет, но испугавшись своей же несдержанности, тихо добавил:

—

Не надо подробностей. Я всё вижу сам.

Редактор и его партийный шеф переглянулись, и поскольку, видимо, так и не поняли мысли генерала, вновь вопросительно воззрились на него, а тот в свою очередь, заметив бестолковость собеседников, снова обвёл глазами кабинет и приложил палец к губам, что должно было недвусмысленно сказать лишь одно: «Нас слышат и всё записывают».

Опытные политики, прошедшие не один коридор власти, партийный лидер и его главный журналист, вдруг всё поняли и захохотали в один голос. Генерал хмуро насупил косматые брови. Смех ему ещё больше не понравился, когда Горюшкин сказал, едва сдерживая улыбку:

— Вы что же думаете, Алексей Фомич, мы вам взятку принесли что ли? Да за кого вы нас принимаете? Эти деньги сегодня ночью подбросили в редакцию газеты «Московская невралька». Мы возмущены провокацией и принесли эти деньги вам для проведения экспертизы ну и дальнейших следственных действий.

— Вот и акт о приёме денег, — добавил Никольский, доставая из бокового кармана дипломата лист бумаги. — Здесь всё подробно изложено и подписано свидетелями.

Генерала охватила тоска разочарования и досады на самого себя, но потому он и занял свой высокий пост, что умел быстро перестраиваться в зависимости от менявшейся ситуации. Поняв, что, как сказали бы друзья, лопухнулся с первоначальной мыслью о возможности использования взятки, он тут же мысленно поздравил себя с тем, что дело может представить неплохой оборот для раскрытия тайны происшедшего ночью, потому молча взял акт и начал читать.

Чтение постоянно прерывалось телефонными звонками. Секретарша, молодая красивая девушка в элегантной офицерской форме с шалью волос, падающих на плечи, чуть не полностью пряча погоны, поминутно соединяла генерала то с теми, кто сообщал о поступившей информации, связанной с поисками ночного грабителя, то с теми, кто этой информацией интересовался.

Наконец генерал отложил акт в сторону со словами:

—

А где само письмо?

Никольский достал листок и положил перед генералом, который продолжал спрашивать:

—

Я вызывал и того, кто обнаружил письмо. Он с вами?

—

Да, в приёмной.

Генерал нажал кнопку на пульте.

— Таня, пригласите журналиста из газеты. И лейтенанта Петелькина ко мне с диктофоном.

Пригоров, привыкший входить в любые кабинеты спокойно, сегодня волновался. Он догадывался, что теперь его могут подозревать в связях с Зивелеосом, которого он и в глаза не видел. Неприятен в таких случаях сам процесс разбирательства, когда нужно доказывать, что ты не верблюд. Это когда ты на суде, то прокурор обязан подтвердить доказательствами твою вину, а до того всё бывает как раз наоборот.

Генерал хмуро посмотрел на вошедшего и вежливо поздоровавшегося со всеми одним словом «здравствуйте» журналиста.

– Присаживайтесь, – сказал он и указал на стул возле двери. Голос стал сухим и резким, сугубо официальным, как в разговоре с будущим подследственным. – Значить так. Я вызвал сюда вас не на допрос. Дело о грабеже уже возбуждено прокурором, а нам важно сейчас как можно скорее поймать грабителя. Так что мне нужны ваши показания о том, как у вас в руках оказался конверт с письмом и деньгами.

Олег посмотрел на своего шефа. Тот уставился глазами в стол, словно ничего не слышал или был занят своими мыслями.

В кабинет вошёл молодцеватый лейтенант с небольшим диктофоном в руке и, щёлкнув каблуками, чуть ли не гаркнул, так громко прозвучало:

–

Вызывали, товарищ генерал?

Казёнкин поморщился:

– Тише ты, громило! Пиши, о чём мы говорим. – И, снова обращаясь к Пригорову, пояснил: – Мы будем писать всё на диктофон не потому, что это допрос, а для экономии времени. Подписывать вы ничего пока не будете. Это чисто оперативная работа, а не следственная. Так что не переживайте и расскажите, как и что. Кстати, где он?

Олег сразу обратил внимание на то, как генерал сказал «значить» с мягким знаком в конце слова и «возбуждено» с ударением на второй слог. Его раньше удивляло обыкновение больших начальников неправильно говорить, а теперь, когда даже дикторы телевидения и радио стали плясать с ударениями в словах, чуть не каждый день изобретая новые способы произношения знакомых слов, это перестало поражать, но всегда вызывало неприятные ощущения. Теперь он видел, как пыжится генерал, стараясь говорить казённым языком, и хотелось рассмеяться, но обстановка того не позволяла. Он стал размышлять об этом и невнимательно слушал, о чём говорил генерал, так что вопрос «где он?» застал его врасплох, поэтому пришлось переспросить:

–

Кто?

–

Что кто? – спросил теперь генерал.

–

Я не знаю. Вы спрашиваете, где он, а я спрашиваю, кто.

–

Тьфу ты, чёрт, начал раздражаться генерал. – Я не спрашиваю, где кто, а спрашиваю, где конверт.

–

Какой?

–

Я вас сейчас прикажу арестовать! – взорвался Казёнкин. – Вы что мне тут комедию разыгрываете? Я спрашиваю о конверте, который вы принесли в редакцию. Где вы его взяли? И где он сейчас?

–

Прошу прощения, – ровным голосом, не терпящим возражений, – начал говорить Пригоров, – но я не знал, о чём у вас тут шла речь, и о конверте слышу впервые от вас, так что подумал будто вы спрашиваете о Зивелеосе. Но его я сегодня не видел.

–

А раньше? – обрадовано подхватился Казёнкин. – Раньше вы его встречали?

–

Да вы что, товарищ генерал! Я узнал о нём, как и вы в казино, сегодня ночью. Только вы приехали в казино раньше меня.

—

Это мне известно всё. И кто вам звонил, доложили. А вот где вы конверт получили?

—

Я его не получал, а взял при входе в наш издательский комбинат и отдал Семёну Ивановичу.

—

Кто это видел?

—

Так вся редакция там была, когда мы вошли.

—

Я спрашиваю, кто видел, как вы взяли конверт, а не как вы его отдали, — снова раздражаясь, спросил генерал.

—

На вахте был, как всегда, дежурный. Можно его спросить. Кроме того, мы были вдвоём с Самолётовым.

—

Вы вместе увидели конверт?

—

Нет, наверное, он не видел. Он вошёл в холл раньше и ожидал, пока я закрою машину.

—

Почему же он не видел конверта?

—

Не знаю. Он прошёл сразу вперёд. Мы торопились.

—

А вы таки заметили конверт?

—

Заметил. Привычка такая: забирать сразу почту.

—

Ну, и где же теперь этот конверт?

—

А разве Семён Иванович не принёс?

В воздухе повисла тягучая пауза. Все смотрели на главного редактора. Он удивлённо пожал плечами и задумчиво сказал:

— Да, вот о конверте мы как-то не подумали. Наверное, он там в редакции. Дело в том, — заметил он, как бы оправдываясь, что в большом конверте был чёрный пакет, в котором лежали деньги, вот его я принёс, так как мы сосчитали доллары и положили их обратно в пакет. Про конверт как-то и не подумали. А зачем он, собственно нужен?

— Вы что, — прошипел Казёнкин, — придуривайтесь или на самом деле такие бестолковые?

— Ну, ну, Алексей Фомич, поаккуратнее с выражениями, — вступил, наконец, в разговор Горюшкин, сидевший всё это время молча.

— Что значить, поаккуратнее? — начал кипятиться генерал. — Конверт — это улика. Кому адресован, чьей рукой написан адрес, отпечатки пальцев — всё имеет значение. А они не знают, где теперь этот конверт. Я сейчас всю вашу редакцию перетряхивать буду, если сами не найдёте конверта.

Никольский и Пригоров посмотрели друг на друга. Только теперь им стало ясно, в какую неприятную историю они попали. Никольский в который раз вспомнил это ночное совещание. Сразу по окончании его, когда в типографию передали текст информации о ночном скан-

дале, предложенный Самолётовым, доллары были сосчитаны и спрятаны в сейф. Никольский не знал, что будет дальше делать с деньгами. Он подумал, что если этот неизвестный Зивелеос действительно станет помогать газете, то можно будет увеличить её объём и тираж, купить новое оборудование, сделать многокрасочную печать. Словом, в голове рисовались радужные картины прекрасного будущего. И только под самое утро он решился позвонить своему партийному лидеру, чтобы поставить в известность о случившемся.

Реакция Горюшкина оказалась совсем не такой, какой ожидал Никольский. Хотя и со сна, но партийный босс сразу сообразил, чем может кончиться история, если власти узнают о полученных деньгах от кого-то со стороны, а избежать этого было невозможно. Поэтому он тут же предложил встретиться в редакции и всё обсудить детально. Так было принято решение о том, чтобы самим принести деньги, как подброшенные в провокационных целях. Но в газету эта информация попасть уже не успела.

О конверте, на котором чьим-то размашистым почерком был написан адрес редакции и фамилия Никольского, как-то совершенно не подумали, а он вполне возможно лежит себе спокойно на столе, если уборщица не сочла возможным выбросить его с мусором.

На столе генерала опять зазвонил телефон, на пульте замигала лампочка. Звонил кто-то из своих сотрудников. Казёнкин снял трубку, и через несколько секунд лицо его сначала вытянулось, а затем губы расплылись в саркастическую улыбку.

– Немедленно привезти его, только аккуратно! – скомандовал докладывавшему информацию по телефону и отключил связь.

– Вот такие дела, значить – заговорил Казёнкин, улыбаясь и глядя по очереди на каждого из присутствующих. – Сейчас привезут ещё одного газетчика из всё той же «Московской невральки». Посмотрим, что он нам будет врать. Думаю, что дело приближается к завершению, и мы будем с вами свидетелями того, как оно закончится.

– А что там случилось, Алексей Фомич? – поинтересовался Горюшкин. Из всех, кто был в кабинете, только он позволял себе называть генерала по имени и отчеству.

– Да что там, – начал было уклончиво генерал, но потом вдруг решил сразу объяснить. – Тут вот что. Сегодня нашёлся свидетель...

Генерал вдруг прервался и нажал кнопку на пульте. Сняв телефонную трубку, скомандовал:

– Майор, захватите с собой и того... – он хотел было сказать «пьяницу», но спохватился, поняв, что сидящие могут всё переиначить потом, и закончил, – случайного свидетеля, а так же прикажите привезти кого-то из бара, ну, крупье и бармена хотя бы. Проведём очную ставку сразу.

Заметив возросший интерес на лицах его слушателей, продолжил свои пояснения:

– Да нашёлся человек, который видел этого бандита сегодня на улице, точнее возле дома, в который тот скрылся. Я дал команду проверить список жильцов двух домов. Так вот в одном из них, как только что мне сообщили, живёт и ваш сотрудник. – Генерал многозначительно посмотрел на Никольского и теперь уже не сводил с него глаз, говоря как бы специально для него: – Сопоставляем факты. Именно ваш этот Пилотов приезжает ночью с присутствующим у нас здесь Пригоровым и откуда-то достают письмо с деньгами, только что изъятыми у уважаемых людей, отдыхавших в казино. Мы, правда, ещё проверим, те ли это деньги. Я подозреваю, что ограбление, совещание у вас в редакции и исчезновение бандита у самого дома, где живёт ваш сотрудник – это одна цепь, за которую мы сейчас и потянем. Подозреваю также, что не случайно и лидер ваш появился в моём кабинете заблаговременно.

Говоря всё это, генерал настолько увлёкся родившейся внезапно идеей, что готов был, как на духу, рассказать о том, что подозревает хорошо продуманный заговор партии о свержении правительства с помощью террора и о том, что вот именно сам генерал всё теперь разгадал и может практически всех арестовать, не выпуская уже из кабинета. На минуту он забыл, что

партийный лидер обладал иммунитетом неприкосновенности. Ему уже виделись все гости в наручниках.

Но всё-таки какое-то внезапно появившееся шестое чувство в виде чего-то щемящего внутри остановило его, и он искусственным смешком рассмеялся, поправляя себя:

– Нет, Григорий Гаврилович, относительно вашего появления – это шутка. Однако я надеюсь, что вас интересует конец спектакля?

– Хотите сказать, Алексей Фомич, что мы сейчас увидим этого странного незнакомца?

–

Да, так я думаю. На след напали.

Концы в воду

Николай проснулся, когда услышал резкие звуки приближающейся сирены спецмашины. Проснувшись, глаза не раскрыл, пытаясь опять уснуть. Однако вскоре снова послышалась сирена – приближалась, видимо, другая машина специального назначения. Это уже встревожило. Не такая уж центральная у них улица, чтобы поминутно носились машины скорой помощи или милиции. Одна, понятно, может в любом месте появиться, но что б две кряду – это, извините, редкость.

Юноша откинул одеяло, поднялся и подошёл к окну. Всего пару часов назад он проснулся, увидел, что спал одетым, разделся, постелил, крепко заснул и вот подишь ты, разбудили сирены. Отодвинув тёмную портьеру, увидел в окно, как из машины милиции выходили сотрудники в форме и направлялись к подъезду дома, нет, не к одному, а, к нескольким подъездам, разбившись на пары. Значит, точно, кого-то ищут. Мелькнула мысль: «Неужели так быстро вышли на него?» Но тут же появилось возражение: «Не на него – это точно. Пошли ведь во все подъезды зачем-то. В чём же дело?» Однако нельзя было терять время. Если шла проверка всего дома, то нечего сомневаться – он где-то что-то упустил и его видели.

У него было три варианта: надеть костюм и скрыться через крышу тем же путём, что и пришёл сюда, во-вторых, мог в том же костюме вообще никого не бояться, а просто уйти, раскидав всех по дороге. Но в обоих случаях он практически раскрывал бы себя, а это не желательно было пока делать. Третий способ был – спрятать улики на случай обыска.

Накинув халат, включив попутно телевизор, дабы он создавал обстановку нормальной жизни, Николай вытащил из-под дивана небольшой рюкзак и стал укладывать в него, носясь от шкафа к комоду, шлем, перчатки, аппаратуру, ботинки, а поверх всего костюм. На сборы ушло пять минут. Николай жил на пятом этаже. Он прикинул, что, если милиция заходит в каждую квартиру на три минуты, а квартир в этом подъезде всего пять, на каждом этаже по одной (такой уж странный был этот дом), то гости будут у него в лучшем случае через восемь минут – остаток от двенадцати, а вероятнее всего не ранее чем через десять, если учесть проходы по лестнице. Можно ещё многое успеть.

Рюкзак по всему верхнему клапану быстро заклеивается широкой клейкой лентой скотч, затем укладывается в чёрный полиэтиленовый пакет для мусора, тоже заклеивается скотчем, делая упаковку совершенно непромокаемой, затем кладётся в ванную, и оба крана холодной и горячей воды открываются на полный напор. Сюда же ванну выплёскивается большая порция шампуня, который мгновенно превращается под сильной струёй воды в пушистую пену, скрывшую через три минуты чёрный мешок.

Когда в квартиру Николая позвонили, он сидел в ванной, поливая себя ручным душем. Услышав звонок, прикрыл воду, чтоб не шумела, и закричал:

–

Кто там? Входите! Не заперто!

Дверь открылась. Милиционеры вошли, окидывая беглым взглядом обстановку.

–

Я спрашиваю, кто там? – раздалось из ванной. – Женщин нет?

– Нет, мы только мужчины, – смеясь, ответил офицер средних лет с погонами капитана, а что?

–

Ничего, я просто купаюсь, не хочу выходить мокрым. Можете подождать пару минут, пока я закончу, если у вас ничего срочного?

–

А мы вас не будем долго отвлекать, успокаивающе сказал капитан. – Пару вопросов зададим, и купайтесь себе на здоровье.

С этими словами капитан заглянул в ванную и увидел молодого человека, вернее только его голову, так как вся остальная часть тела утопала в горах пены.

–

О, как вы любите нежиться, – восхитился милиционер.

–

Не могу отказать себе в удовольствии расслабиться в ванне, – согласился Николай, а то всё носишься как угорелый.

–

А вы кем работаете?

–

Журналист. Такая моя профессия. Тут, как у нас говорят, волка ноги кормят. Хочешь побольше интересного читателям – больше бегай.

–

Пока молод – это хорошо, – согласно кивнул капитан. – Если можно, не скажете, в какой газете вы работаете и где вы были сегодня ночью?

–

Чего ж не сказать? – философски ответил Николай. – Работал в редакции, готовя сегодняшнюю сенсацию о событии в казино. Вы её определённо читали, так как только наша «Московская невралька» рассказала о главном и поместила портрет интересующего вас человека. А что весь город опрашивают сегодня?

–

Может и весь, не знаю. Нам поручили спросить здесь. А вы, стало быть, как раз из этой газеты. Приятно познакомиться.

Над головой послышались звуки шагов по чердаку. Николай поднял голову.

–

Вы и крыши проверяете?

–

Не знаю, – уклончиво ответил капитан. – Мне поручили квартиры. А как ваша фамилия?

–

Самолётов.

–

Имя?

–

Николай Степанович.

–

Собственно, меня больше ничего не интересует. Вот только скажите на всякий случай, вы ничего не слышали ночью? Может, кто по крыше лазил? У вас оказывается хорошо слышно.

–

Нет, у меня не было слышно, потому что, как я вам уже сказал, ночью я работал в редакции, а это в другом районе города.

–

Ой, извините! Всё понял. Купайтесь, пожалуйста. Я только с вашего позволения свяжусь по рации с руководством, доложу, что всех обошёл.

–

Это уж ваши проблемы. Можете это делать и на ходу. Или подождите меня чуток, и я возьму у вас интервью для следующего номера газеты.

—

Вот уж нет, — испуганно возразил капитан. — За интервью мне голову намылят. Как-нибудь в следующий раз.

Но тут же, выйдя с напарником из квартиры, прямо на лестничной площадке капитан достал рацию и стал докладывать, сообщая, кто в какой квартире проживает, и что там делали ночью. Рассказав о последнем визите, собирался спускаться вниз, как из рации донеслось:

— Уточните ещё раз, этот Самолётов работает в «Московской невральке» или «вральной»?

— Он работает в «Московской невральке», делая упор на «не», повторил капитан. Та самая газета, в которой портрет поместили.

— Понятно. Тогда постойте на месте, не уходите от квартиры. Я созвонюсь с руководством.

Через несколько минут рация включилась и из неё послышалось:

—

Двадцать второй, где вы находитесь?

—

Я двадцать второй. Стою на лестничной площадке пятого этажа.

—

Оставайтесь там. Объект на месте?

—

Да, моется в ванной.

—

Хорошо. Буду через пять минут. Никого и ничего.

—

Понял. Слушаюсь.

Николай стоял за дверью и слушал. Волнение охватило тело. Начал быстро рассуждать. Через пять минут опять придут. Зачем? Что им известно? Перепрятывать вещи нет времени, да и вряд ли можно было найти что-то лучше? Но вдруг его заберут? Опять же почему и зачем? Они не могут ничего знать. Сейчас важно сделать одно.

Он подошёл к телефону и набрал номер.

— Маша! Это я. Слушай очень внимательно. Тут какой-то юмор. Ко мне приходили только что в связи с историей. Не знаю, чего они хотят, но ведь это наша газета дала портрет. Их может обеспокоить. Если через пол часа я не позвоню, то заberi, пожалуйста, мои материалы для газеты. Поняла?

—

Да, а я найду?

—

Пойми меня правильно, я сейчас в ванной, говорить некогда, купаюсь и весь в пене.

—

Всё поняла, иди.

Когда майор Скориков вместе с капитаном и его напарником лейтенантом входили в квартиру Самолётова, Николай как и прежде лежал в ванне, а пены стало в ней ещё больше. Голова парня вся была в мыле.

Подняв голову на вошедших теперь без звонка, он сделал удивлённое лицо:

—

Что-нибудь ещё случилось? А, и капитан снова здесь! Решили всё-таки дать интервью? Это приятно. Сейчас я закончу.

—

Да уж, пожалуйста, заканчивайте и поскорее. Мы хотим пригласить вас для беседы в управление. Там и ваше руководство уже сидит в ожидании. Так что вытирайтесь, а мы с вашего позволения оглянем квартирку вашу.

—

Хотите сказать, произведёте обыск, что ли?

—

Да нет, какой обыск? Зачем? У нас и ордера нет. Просто интересно, как живут холостые журналисты.

—

Вы знаете, что я холостой?

—

Служба такая. Должен знать.

—

Да вы смотрите, что хотите. У меня ничего кроме черновиков опубликованных статей и книг нет. Ничего запрещённого, тем более, что сейчас у нас ничего не запрещают.

Через десять минут все выходили из дома, а Маша...

Девушка в джинсах и с красной сумочкой

Маша положила трубку мобильного телефона на стол, задумчиво покусывая кончик указательного пальца. От этой дурной привычки она никак не могла отвыкнуть, тем более в трудные моменты жизни. А сейчас момент был не простой.

Николай просил подождать пол часа. Но что произойдёт за это время? И что потом? К нему приходили, но ушли, раз смог позвонить. Однако он торопился и говорил эзоповским языком. Имел в виду, что надо забрать костюм, но назвал его материалами для газеты – это ясно. Он чего-то боялся. Чего? Не того, кто стоял рядом? Нет, не стал бы звонить вообще, и не говорил бы о ванне. Скорее всего, боялся, что кто-то может прослушивать телефон. Да, точно. И очень спешил. Говорил коротко, выстреливая слова пулями. Кого-то ждал, кто может войти неожиданно? Именно так. Неужели его могут арестовать?

Маша качнула головой, сбрасывая с плеч косички. Тогда зачем ждать пол часа? Тут Николай не прав. Если за ним пришли, надо в этом убедиться и принимать меры.

«Так, – сказала она себе, – решение принято: машина стоит у дома, надо ехать». Теперь только действия: точные, быстрые, уверенные. Из шкафа достаются и надеваются джинсы. На плечо набрасывается ремешок красной сумочки, в который кладётся мобильник. Ноги вставляются в лёгкие красные босоножки. Ещё несколько мгновений и белый жигулёнок, буркнул что-то, завёлся и помчался по летней улице большого города Москвы.

Машина машина (в первом слове ударение на первый слог, а во втором на второй. Объясняю для особенно въедливых) подъезжала к дому Николая именно в тот момент, когда в сопровождении милиционеров её товарищ выходил из подъезда. Это была удача. Она собиралась, коротко надавить на сигнал, если бы он сам не заметил её спокойного проезда мимо автомобиля милиции и не встретился с понимающим взглядом девушки.

Разумеется, Маша не остановила свою машину, а спокойно проследовала до конца квартала и завернула за угол, но и там не стала, а доехав до следующего поворота, снова свернула направо, и только тогда нажала на педаль тормоза и выключила мотор. Выйдя на тротуар, тут же вернулась к перекрёстку и успела услышать, так называемый, спецсигнал милицейского транспорта и увидеть удаляющуюся по параллельной улице голубую мигалку.

Повернувшись к своей машине, Маша достала из кармана маленький пульт дистанционного замка, нажала на кнопку, заставив автомобиль радостно взвыть в подтверждение того, что теперь его никто не откроет, и отправилась через проходные дворы к дому Николая. На плече девушки висела красная сумочка, косички на голове давно были расплетены, и теперь длинные ниже плеч волосы сияли золотом в лучах опускающегося к горизонту солнца. Полетнему медленно приближался вечер.

Маша не возражала, чтобы её видели именно с яркой сумочкой и распущенными ниже плеч волосами. Так она вошла в дом. А через некоторое время оттуда вышла, но в спортивном костюме, серой спортивной шапочке, спрятавшей напрочь волосы, в кедах и с рюкзаком на спине и без красной сумочки, так что иной человек, видевший её пятнадцатью минутами раньше, вряд ли бы признал в ней ту самую девушку в джинсах и с красной сумочкой, а вероятнее всего принял бы её теперь за парня, отправившегося либо в поход, либо на загородную дачу. Такова была идея изобретательной во всех отношениях Маши. Ещё через пятнадцать минут она уже была у себя дома. Через десять минут снова выехала, одетая в джинсы, с распущенными ниже плеч волосами и с красной сумочкой, свисавшей с плеча.

Мыльный пузырь быстро лопается

Больше всего Николая удивило при входе в кабинет генерала ФСБ то, что он увидел за столом начальника лидера своей партии Горюшкина. Ему ещё не доводилось встречаться с ним лично. А то, что в кабинете находились его главный редактор и ответственный секретарь

казалось вполне естественным. Удивили и доллары, лежавшие на столе. Но внимание его лишь коснулось этого факта. Основное было обращено на генерала.

Больше всего удивило генерала Казёнкина то, что у вошедшего журналиста Самолётова голова была явно мокрой. Дорога до Лубянки была не долгой, и волосы не успели просохнуть. Он не удержался от вопроса:

– Вы что же, господин хороший, в озеро ныряли? Может, там деньги украденные искали? Отчего вы такой мокрый?

– Во-первых, здравствуйте, и прошу прощения, – сказал Николай, низко кланяясь. – Понимаю, товарищ генерал, что вам не до вежливости. А голова моя мокрая не от слёз, конечно, по ненайденным вами деньгам, а оттого, что ваши сотрудники уговорили меня ехать к вам прямо из ванной. Хорошо, что одеться дали возможность.

Казёнкин начал багроветь от негодования. Но тут Горюшкин поднялся со своего места и с широкой улыбкой на лице направился к Самолётову, протягивая ему руку и говоря:

– А я так с удовольствием поприветствую нашего молодого журналиста, с которым не был знаком, но публикации читал. Весьма неплохие, должен сказать. Надеюсь, вырастите когда-нибудь и в главного, когда мы с Семёном Ивановичем пойдём на пенсию. А генерала понять можно: у него сейчас положение не из приятных.

Дружески пожав руку Самолётову, Горюшкин стал прощаться с генералом:

– А я должен вас покинуть. И так задержался. Государственные дела, как известно, не терпят отлагательства. Дума, наверное, кипит по поводу ночного инцидента. Надеюсь, вы скоро разберётесь и сообщите о своих успехах. Моя задача была принять участие в передаче подброшенных денег, а остальное вы уж сами как-нибудь.

Одарив рукопожатием каждого, включая лейтенанта, с работающим диктофоном в руке, Горюшкин вышел из кабинета.

Генерала Казёнкина охватило ощущение некоей пустоты в желудке от сознания того, что один из тех, кого он собирался сегодня же триумфально арестовать, как-то неожиданно уплывает из его рук. Это точно, как было у него на одной из рыбалок, когда сорвавшуюся с блесны уже на берегу щуку он сам, героически упав на песок, схватил голыми руками за скользкое туловище, но почувствовал, что рыба вырывается и вот-вот очутится снова в воде. Тогда-то и появился внезапно холодок в желудке, подсказав, что нужно делать. Он рванулся ртом к щуке, надеясь ухватить проклятую зубами, но получил шлепок хвостом по губам и тут же оказался без добычи, сделавшей-таки спасительный для неё прыжок в воду. Несчастный рыбак кинулся, конечно, за нею в реку, но не столь быстро и ловко, как рыба. Да что там говорить, а кому удавалось в жизни поймать щуку в реке голыми руками?

Вот и теперь холодок пробежал по внутренним органам генерала, но он ничего не мог сделать, памятуя, что и живую щуку зубами не ухватишь, не то что депутата, наделёнными полномочиями и не обвинённого пока в криминале. Так что он почти ласково улыбнулся Горюшкину и сказал только на прощание многообещающую фразу «До скорой встречи!», которую партийный лидер спокойно пропустил мимо ушей.

Что же касается Самолётова, то его озадачили последние слова, сказанные партийным лидером относительно сдачи подброшенных денег. Значит, на столе лежали именно те доллары, которые он сам принёс в редакцию и положил в конверте на полку почтовой этажерки? Те самые доллары, которыми он хотел помочь своей газете и которые он именно экспроприировал у тех, кто обворовывал людей? «Странно, почему они здесь?» – думал Николай.

Словно отвечая на его вопрос, генерал Казёнкин сказал:

– Ну-с так, молодой человек. Вы видите на столе деньги, лежавшие пару часов назад в вашей редакции. Пожалуйста, присаживайтесь, и давайте поговорим немного сначала о них, а потом и о вас. Как вы понимаете, украденные деньги счастья не приносят, потому их принесли, куда положено. Хотя не известно, сколько было денег на самом деле в конверте.

– То есть как не известно, – возмутился Никольский. – Перед вами же находится акт, в котором чёрным по белому проставлена сумма.

– Да, это так, – согласился генерал, кивая несколько раз головой, но с выражением явного сомнения на лице, – однако по имеющимся уже у меня данным опроса ограбленных в казино, у потерпевших изъято было около шестисот пятьдесят тысяч долларов (генерал не знал правил склонения числительных, а потому не мог сказать «около шестисот пятидесяти тысяч», но на должности назначались лица не по принципу знания русской грамматики, а по принципу лояльности вышестоящему руководству) и почти столько же российских рублей. Вы понимаете, что посетители казино состоятельные люди и могли себе позволить.

Никольский не мог полностью согласиться с рассуждениями генерала, и он рассерженно возразил:

– Они-то могут себе позволить тратить чужие деньги, но мы не можем позволить себе писать акт об одном, а иметь совсем другое. В документе указано сто тысяч долларов, ровно столько, сколько принесли в конверте и сколько мы вам вернули. Заметьте, что мы вообще могли этого не делать.

– Да, разумеется (генерал произносил это слово именно с мягким знаком после «т», полагая, что так должно произноситься это слово) вы могли, но тогда бы мы обвинили вас в соучастии и пришлось бы отвечать по закону, – рассмеялся он. – Думаю, вы правильно поняли и вернули деньги своевременно. Но сейчас не об этом. Вы, гражданин Самолётов, тоже участвовали в пересчёте долларов?

– Нет, гражданин генерал, – в тон ему ответил Николай. – Я деньги не считал.

– Значит, отпечатков ваших пальцев на них нет?

– Разумеется, гражданин генерал, – сказал Николай, произнося слово «разумеется», как и Казёнкин, с мягким знаком.

– Вы что меня передразнивать сюда пришли?! – взревел Казёнкин.

– Хочу заметить, я не пришёл, а меня доставили сюда ваши люди.

– Ну и правильно сделали. Вы ещё зелены, что бы так разговаривать со мной. Вот засажу вас, тогда будете упражняться, сколько хотите. А пока прошу отвечать на вопросы. Где вы были сегодня ночью? Как я понял из рассказа вашего коллеги, он вас застал дома как раз после случившегося в казино, а до этого он звонил, и вас дома не было. Что вы делали? Кто вас видел? Кто подтвердит?

– Вы так на меня кричите, – заметил спокойно Николай, – словно только что схватили меня за руку с кошельком из вашего кармана. Между тем я ни у кого ничего не брал. Тысячи людей не ночевали сегодня у себя дома по разным причинам. Вы же не станете каждого спрашивать, не пришлось ли им грабить казино? Я ведь, как журналист, могу и вас спросить, где вы были сегодня ночью.

– Ну, уж нет, – ответил генерал неожиданно мягким голосом, – не такие мы глупые, как вы, наверное, думаете. Мы не арестовываем первых попавшихся на улице от нечего делать. Всё дело в том, что грабителя этого видели не только потерпевшие в казино сегодня ночью, но и рядом с вашим домом и тоже сегодня ночью. Вот что интересно. Посмотрим, что будут говорить свидетели.

Генерал нажал кнопку на пульте.

– Свидетель, что был на улице, доставлен?

– Да, – донеслось с пульта.

Генерал хотел сказать «введите», но вовремя спохватился и, не отрывая взгляда от Самолётова, сказал:

– Пусть войдёт.

А Николаю больше чем другим присутствовавшим в кабинете было интересно узнать, какого свидетеля приготовил генерал. Понял только из сказанного, что его видели на улице, но как?

В раскрывшуюся дверь робко вошёл невысокого роста мужчина в потрёпанной одежде и с таким же, казалось, потрёпанным морщинистым лицом. За несколько минут до вызова в кабинет его с трудом приводили в порядок сотрудники, попросив умыться и хоть немного пригладить растрёпанные волосы.

Генерал мрачно посмотрел на вошедшего и сказал:

– Вы не бойтесь. Мы вас долго не задержим. Посмотрите, есть ли среди нас кто-нибудь, кого вы встречали раньше.

Мужчина поднял брови в изумлении:

– Так я многих кого встречал на улице, разве всех упомнишь?

– Нет, вы меня не поняли, – нетерпеливо остановил его Казёнкин. – Я спрашиваю о сегодняшней ночи. – Кто-нибудь из присутствующих может напоминать вам человека, которого вы видели ночью?

– А-а, это я вроде как опознать должен, что ли?

– Пусть будет так, если вам нравится.

– Нет, мне это совсем не нравится.

– Что вам не нравится? – Генерал опять начал нервничать.

– Не нравится, что нужно опознать кого-то, если такого нет.

– Какого, такого? Вы представляете, какой он был?

– Представляю, конечно. Такой, как в газете. Он был высокий, большой такой, с усами. А тут у вас все без них и маленькие какие-то. Он, товарищ начальник, вроде вас был.

– Ха-ха-ха-ха, – расхохотался вдруг Николай. – Товарищ генерал, может, это всё-таки вы были? Что вы делали сегодня ночью?

– Прекратите!!! – заорал Казёнкин. – Мы с вами не в бирюльки пришли играть! Свидетель, говорите! А других попрошу молчать.

Мужчина у дверей совершенно растерялся от грозного голоса хозяина кабинета и начал говорить совершенно несусветное:

– Дак вы скажите, что говорить и я скажу, а чего кричать-то? Что надо, то и скажу. Я ведь не возражаю. На кого указать, укажу. Мне бы на кружечку пива и я любого готов...

Казёнкин заскрипел зубами и едва сдержался, чтобы не выгнать вон этого очевидного пьяницу, но дело надо было доводить до конца.

–

Расскажите всё то, что рассказывали нам возле дома на улице.

–

Дак вы же знаете.

–

Повторите снова. Другие люди не знают.

–

А-а, ну ладно, – и он стал повторять рассказ о полёте человека.

Когда он замолчал, Никольский не выдержал и спросил свидетеля:

–

А высоко ли взлетел этот странный человек, которого вы видели?

– Дак уж конечно. Может, прямо в небо. Я-то дальше не видел. Закрыл глаза, а когда открыл, его уж и не было.

– Послушайте, – спросил Пригоров, сидевший по-прежнему у двери, – может быть, вообще ничего не было? Вы ведь хорошо выпили вчера и крепко спали. Не сон ли это был?

– Я тоже так думал, но когда увидел фото в газете, то сразу вспомнил, как всё было.

– Товарищ генерал, – снова включился в разговор Никольский, – мне думается, мы теряем здесь время. Неужели вы можете верить фантазиям этого человека, который своими рассказами вызывает не столько смех, сколько сожаление?

– Так, можете идти, – сказал он и, поманив пальцем сопровождавшего мужчину майора, негромко стал давать ему указания: – Покормите его и запишите все данные. Возможно, он нам ещё понадобится. А сейчас впустите бармена и крупье.

– Товарищ генерал, – ответил майор, – бармена мы арестовали. Наш сотрудник выяснил, что как раз бармен украл у актрисы кольцо с бриллиантом.

– Как это обнаружилось?

– Довольно легко. Мой сотрудник в штатской одежде подошёл к бармену и сказал, что мог бы купить кольцо с бриллиантом подешёвке за пять тысяч долларов, если бы нашёл его обладателя, так как продать дороже такую вещь нельзя будет. Бармен клянул, сказав, что поищет вора. Остальное было делом техники и пришлось ему сознаться. Так что он в камере.

–

Ладно, давайте сюда пока крупье.

Вошедший, среднего возраста и довольно крупного телосложения мужчина опытным взглядом осмотрел комнату. Быстро бегающие из стороны в сторону глаза ни на ком по долгу не останавливались, но заметили все необходимые для оценки детали. Не упустили они и подошедшего к мужчине лейтенанта с диктофоном в руке. Поэтому, как только генерал спросил его о том, видит ли он кого-нибудь в помещении, кто бы напоминал ему по каким-нибудь признакам ночного грабителя, то в ответ прозвучало:

– А мой ответ обязательно нужно записывать? Это что официальный допрос?

Генерал того, чтобы снова рассвирепеть, что случилось сегодня не раз, тяжело вздохнул и вялым неторопливым голосом заученного урока стал объяснять:

– Никакой не допрос это. Мы пытаемся как можно скорее поймать грабителя. Уголовное дело уже заведено. Прокуратура занимается. Нам же важно действовать по горячим следам, поэтому спрашиваем пока что на добровольных началах, а запись ведём для облегчения, а не для протокола. Я спрашиваю ещё раз, похож ли кто-нибудь из присутствующих по любым признакам на грабителя?

– Как можно, товарищ генерал? Тут же все интеллигентные люди. Кто же из вас будет грабить?

– Я вас не об этом спрашиваю! – опять не сдержался Казёнкин, перейдя на повышенный тон. И снова сник, продолжая: – Кто хоть чем-нибудь напоминает вам грабителя внешне? Я не говорю, что грабитель сидит сейчас здесь.

– Тогда другое дело, – понимающим тоном заговорил крупье. – Вопрос в том, каким выглядел этот бандюга?

– Вот именно об этом я и спрашиваю, – облегчённо вздохнул генерал, – обрадовавшись тому, что, наконец, его поняли правильно.

– Тогда, извиняюсь, он больше всего похож на вас, товарищ генерал, поскольку тот плотный был, представительный такой и очень грозный. Конечно, я не говорю. Что это были вы. Просто вы спрашиваете, кого он больше напоминает по комплекции. Другие-то здесь все, извиняюсь, щупленькие, а тот помощнее.

Генерал в изнеможении откинулся назад к спинке своего кресла и непроизвольно посмотрел на Самолётова, который едва сдерживался, чтобы не расхохотаться во второй раз.

– Что же вы так говорите? – спросил он усталым голосом, – Взгляните, например, на нашего самого молодого журналиста. Я бы его не назвал щупленьким. Даю голову на отсечение, он занимается спортом и имеет хорошо накаченные мышцы.

– Согласен с вами полностью, – поддержал его крупье, – но в сравнении с вами он проигрывает, а главное, чтобы не отвлекаться от темы, он всё же явно ниже и много хуже того бандита. Вы видели, каким его изобразила газета «Эротическая Вралька»? Супермен какой-то?

– Слушайте, что вы чепуху мелите здесь? Художник этой вашей вральки в глаза не видел бандита и рисовал лишь по своему воображению. А вы туда же – супермен! Идите к себе в казино и хоть там не рассказывайте сказок. Не хочу больше слушать вас.

– Я извиняюсь, что обидел вас, но, честное слово, не хотел.

– Да идите же! Лейтенант, проводите и возвращайтесь, а вы, майор Скориков, задержитесь. Прошу вас пройти со мной в другую комнату. Я оставляю вас на минутку, господа, – сказал в завершение Казёнкин и, поднявшись, направился вместе с майором к боковой стене кабинета.

Гости с удивлением увидели, что в стене, обшитой длинными полосками деревянных реек, оказалась дверь, за которой и исчезли офицеры.

Оказавшись один на один с майором в другой комнате, поменьше размерами, но также хорошо оборудованной под кабинет, Казёнкин не стал садиться, а начал задавать вопросы, которые не предназначались для чужих ушей:

– Спрашивали дежуривших на дверях портье?

– Да, конечно. Они не помнят, чтоб кто-то проходил один. Возможно, этот человек вошёл в казино значительно раньше и с кем-нибудь.

– А в раздевалке что говорят?

– В шляпах и плащах приходили многие. Он, скорее всего, переоделся в туалете позже, поэтому никто в зале его появления сначала не обнаружил, так как оно ни чем не проявлялось.

– Телефоны обозначенных домов прослушиваются? (генерал имел в виду два дома, возле которых пьяный человек якобы видел Зивелеоса).

– Разумеется.

– Что с телефоном журналиста?

– Только что перед приходом к вам мне сообщили, что до моего появления в его квартире он говорил с какой-то девушкой и просил забрать его материалы для газеты.

– Ну, в этом ничего для нас.

– Вы осматривали его квартиру.

– Да пока он был в ванной комнате.

– Квартира однокомнатная. Осмотрели сразу. Ничего подозрительного. В шкафах одежды похожей нет, обуви такой нет. Успели заглянуть на антресоли, там тоже ничего интересного. Думаю, всё же произошло совпадение. Это не он.

– Майор, выводы буду делать я. Ваша работа искать детали и цепляться за них.

–

Я понимаю. Тут есть одна деталька, но уж очень слабая какая-то.

–

Что подразумеваете?

–

Да всё тот же телефонный разговор Самолётова с девушкой.

–

В чём сомнение?

– Девушка спросила, где будут материалы для газеты. А Самолётов, понятно, что ждал нашего появления, и всё же ответил странно. Я, говорит, сейчас в ванной и там полно пены.

– Ну и что?

– В общем-то ничего, но она сказала, что всё поняла, хотя ответ он ей так и не дал.

– Как не дал? – генерал аж задохнулся от появившейся догадки. – Ответ находится в ванной. Ищите его под большими пузырями, то есть под пеной. И немедленно отправляйтесь туда. А я иду назад к ним. Чувствую, что рыба на крючке. Выходите через другую дверь.

Потирая руки в радостном волнении, генерал вернулся в свой большой кабинет.

– Прошу простить, что задержал немного. Предлагаю всем выпить по чашечке чая или кофе, кто что желает.

Генерал подошёл к своему пульту, нажал кнопку, скомандовал, и через несколько минут всё та же прекрасная секретарша в военной форме и с распущенными по плечам волосами внесла поднос, на котором стояли элегантные чашечки для кофе и для чая, небольшой кофейник, и побольше фарфоровый чайник, сахарница и маленький кувшинчик со сливками.

– Прошу к столу и вас, – обратился генерал к Пригорову, так и не поднимавшемуся со своего стула возле двери.

Секретарша спрашивая, кому чай, кому кофе, расставляла соответственно маленькие или большие чашки, наливая кофе или кипяток из фарфорового чайника и предлагая готовые пакетики чая. Затем она подошла к серванту у стены и принесла оттуда поднос поменьше с шоколадными конфетами и печеньем.

Собеседники несколько утомились от разговора и дружно принялись за предложенное угощение. Лейтенанта с диктофоном тоже не обошли вниманием.

Утолив жажду и слегка закусив бутербродом с сыром, который секретарша достала шефу из холодильника отдельно, генерал благодушным тоном спросил, нарушая установившуюся тишину:

– А всё же, товарищ Самолётов, где вы были сегодня ночью, если не секрет? Вы могли бы мне ответить или вам мешают ваши коллеги. Если так, мы можем перейти в другое помещение и поговорить, так сказать, с глазу на глаз.

Самолётов ухмыльнулся в лицо генералу:

– У меня в принципе секретов ни от кого нет, хотя я считаю, что личная жизнь не должна быть предметом обсуждений на общих собраниях. Но раз тут особый случай, то позвольте и мне узнать у вас, как вы можете доказать тот факт, что не были в казино во время ограбления, товарищ генерал? Кто может подтвердить ваше алиби, если вы это имеете в виду?

– Ещё раз должен вам сделать замечание, – ровным голосом (хотя внутри всё опять забушевало) заговорил Казёнкин. – Вы ещё совсем мальчишка, чтобы так со мной разговаривать, однако я вам отвечу. Я провёл вечер в своей семье, то есть в данном случае с женой, поскольку дети сейчас на даче с бабушкой. Но я по должности выше вас и имею право задавать вопросы я, а не вы, поймите это в конце концов. Вы в расположении ФСБ, что означает Федеральная служба безопасности, чёрт возьми!

И тут вмешался Никольский:

– Товарищ генерал, прошу не зарываться! Мы все прекрасно знаем, что такое ФСБ. Но мы не ваши подчинённые. И кто из нас по должности старше, не будем спорить. Знаю только, что в настоящий момент не вы. Если кто-то из нас, не дай бог, окажется под следствием, и у вас будут для этого основания, тогда другой вопрос. Но мы сейчас вместе стараемся разобраться в том, что случилось ночью. Подчёркиваю, что не только вы разбираетесь, но и мы. Я так понял, что вы пригласили нас помочь разобраться, а не быть допрашиваемыми субъектами. Если вы нас решили допросить, то будьте добры предъявить санкцию прокурора на арест. В противном случае мы поднимаемся и уходим, и вы не имеете права нас задерживать.

– Я погорячился, простите, – пробормотал Казёнкин, поняв, что опять дал маху, и гости действительно имеют право уйти, а этого сейчас нельзя было никак допустить. – Нервы пошаливают. Почти не спал сегодня. Извините ещё раз. Ваш молодой коллега всё время меня как бы подзуживает.

– Ну, мог же Николай быть в театре, на дискотеке, гудеть с кем-нибудь за рюмкой водки, на даче на худой конец, – высказал свои предположения Пригоров, осмелевший от поддержки редактора.

– Да, всё это я мог.

Самолётов смотрел на своих коллег весёлыми глазами, радуясь их вмешательству.

– Я мог, но не был в этих местах. Понимаю, что будь я в театре, то меня попросили бы предъявить театральный билет, будь на дискотеке – вспомнить друзей, с которыми танцевал или пил водку. У меня такого алиби нет. Но я не случайно спросил о том, как вы докажете своё алиби, товарищ генерал, так как у меня есть точно такое же. Я был вечером, а не ночью, в компании с моей подругой, которая в любой момент, если нужно, полагаю, не откажется подтвердить мои слова, поскольку мы и не скрываем свои дружеские отношения.

– У неё дома есть телефон?

– К сожалению нет.

– А куда же вы ей сегодня звонили?

Казёнкин спохватился, что задал по инерции этот вопрос, пытаясь застать врасплох Самолётова, но было поздно, и последовало незамедлительно наказание в виде едкого ответа самого корреспондента:

– Поздравляю, генерал. Вы прослушиваете мой телефон. А где же ваша хваленая демократия со свободой слова и свободой личности?

– В интересах следствия это допускается.

– Прошу прощения, генерал, – это опять вступил в разговор Никольский, – но это допускается лишь в отдельных случаях с санкции прокурора. У вас есть такая санкция? Если нет, мы поднимем скандал, это я вам обещаю. И он будет не меньше скандала с ограблением.

Вот когда Казёнкин по-настоящему пожалел, что пригласил газетчиков. Если раздуют вопрос о незаконном прослушивании, что вырвалось из уст самого генерала ФСБ, да в присутствии нескольких людей, то тут ему не усидеть даже на своём месте, а не то что получить повышение. Кресло под ним явно закачалось.

Казёнкин закашлялся, раздумывая. Отхлебнул оставшийся глоток чая и успокоившись произнёс:

– Перед кем надо, я отвечу. Меня, кстати, вот что интересует. Здесь у нас присутствует ваш ответственный секретарь. Я не разбираюсь в газетных должностях. Ответственный секретарь это что-то вроде секретаря, отвечающего больше, чем за чай?

– Не знаю, вы ехидничаете или действительно не в курсе дела, но скажу просто: ответственный секретарь фактически делает всю газету, то есть несёт за неё всю ответственность.

– О-о, значить, тоже величина?

– Да, и большая.

– А за что вы отвечаете в таком случае?

– За всё и за то, чтобы он нёс свою ответственность правильно.

– А за вас кто несёт ответственность?

– За меня товарищ Горюшкин и политбюро нашей партии.

Казёнкин задавал вопросы, стараясь уйти подальше от неприятной темы прослушивания, но он имел дело с журналистами, которые привыкли ничего не забывать.

– Я позволю себе вернуться к нашим баранам, – вступил в разговор Николай.

– К каким ещё баранам? – недовольно спросил Казёнкин.

– К телефонным, товарищ генерал. – Опять съехидничал Николай. – Хочу сказать, что, прослушивая мой разговор с Машей, вы, разумеется, определили, что она говорила по мобильному телефону.

«Тьфу ты, чёрт, – подумал Казёнкин, – что же мне не доложили такой важный факт?»

– Я это к тому, что в случае не ослабевшего интереса к моей персоне вы можете позвонить ей хоть сейчас и узнать, где я был вечером.

– Это я с удовольствием, – обрадовался Казёнкин. – Можете сообщить номер?

Самолётов назвал, и генерал тут же набрал его на своём аппарате, не забыв нажать кнопку записи встроенного магнитофона для контроля, хотя запись разговоров велась и в другом месте. Разговор был предельно вежливым.

– Алло, слушаю вас.

– Добрый вечер, девушка. Извините, пожалуйста, это беспокоят из Федеральной службы безопасности. Вы только не волнуйтесь.

–

А я и не волнуюсь. С чего вы взяли?

–

Вы знакомы с Николаем Степановичем Самолётовым?

–

Да, а что такое? С ним что-нибудь случилось?

–

Да нет, я же говорю, не волнуйтесь. У меня чисто технический вопрос. Он вчера вечером был у вас?

–

А это предосудительно?

–

Девушка, простите, но лучше будет, если вы станете только отвечать на мои вопросы, а не задавать свои. Это сэкономит нам время и ваши деньги за мобильную связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.